

СВЕТЛАНА БЕЛЛ

КРЫЛАТЫЙ ЛЕВ,

или Тайна цветных облаков

10[®]
паблишинг

Территория F

Светлана Белл

**Крылатый лев, или
Тайна цветных облаков**

«1С-Публишинг»

2020

Белл С.

Крылатый лев, или Тайна цветных облаков / С. Белл — «1С-Публишинг», 2020 — (Территория F)

«Территория F» — серия книг, знакомящая читателей с новыми именами в детской и подростковой фантастике. Серия составлена на основе шорт-листа одноимённого конкурса, проведённого издательством «1С-Публишинг» совместно с порталом «Author.Today». Светлана Белл — автор из Уфы, журналист и главный редактор газеты, посвящённой ветеранам. Ведёт работу в социальной сфере, активно участвует в общественной жизни региона. Роман «Крылатый лев, или Тайна цветных облаков» занял в конкурсе второе место и получил специальный приз «Серебряная буква». Также книга вошла в лонг-лист Международной детской литературной премии имени Владислава Крапивина. Это красивая сказка, действие которой происходит в волшебном мире, где у каждого жителя есть своё облако, олицетворяющее его душу. Раз в году облака прилетают к своим подопечным в город, для того чтобы помочь им пережить холодную зиму. И наступает праздник, который широко отмечается. Вот только к главному герою Лиону его облако, в виде крылатого льва, в этот раз не прилетело. Юношу обвиняют в том, что он мертвец, ведь только у мёртвых нет облаков. Правда главным обвинителем выступает колдун, который давно враждует с семьёй героя. Тут явно кроется тайна, которую Лион намерен разгадать, ведь оставаться в городе изгой всё равно не может. Лион отправляется в далёкое путешествие, чтобы найти своё облако. Впереди его ждут любовь и дружба, сражения и опасности, предательство тех, кому доверял, и новые друзья. Читайте книгу и переживайте приключения вместе с героем!

© Белл С., 2020
© 1С-Публишинг, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Белл

Крылатый лев, или Тайна цветных облаков

– Где же чудеса? Чудес хочу! Мама, где мое чудо?

– Подожди, малыш! Чудеса прилетают в свой срок.

– Не зря дитя тревожится. Ноябрь на носу. Припозднились нынче, а ведь снег скоро.

– Поглядите, какие нетерпеливые!.. Дольше ждешь – крепче радость.

Осенние разговоры жителей Светлого города

Пролог

В Светлом городе, затерянном меж зубчатых скал, каждая осень озаряется ожиданием праздника. Стоит только первому рыжему листу, потанцевав, лечь на землю, как горожан охватывает радостное волнение. Не только нетерпеливые школьники – даже сдержанные ремесленники и проницательные торговцы то и дело останавливаются посреди улицы и скидывают головы, да так, что на мостовую падают шляпы.

Никто не знает, когда наступит счастливый день: в солнечном сентябре или в октябре, опечаленном ливнями. Мелкие гномы, стараясь казаться солиднее, выдают красивые пророчества: «Еще не завершится лето, а вышина залется светом...» или «На небе расцветут цветы, когда дождей дождешься ты...», но они никогда не сбываются.

Любимая пора всегда приходит неожиданно. Когда небо становится пестрым, будто дети плеснули в него акварелью, город охватывает веселая суета. Над черепичными крышами взвизгивает проворный дымок. Румяные хозяйки, подвязав твердые от крахмала фартуки, заводят сдобное тесто, а мужчины с уханьем тащат со дворов столы, чтобы выстроить их на Овальной поляне для грандиозного пиршества. Никто не ссорится в эти дни и никто не сидит дома. Все знают: яркое небо – предвестник знакомого, любимого, но все-таки чуда.

Три дня в городе звенят залихватские песни, гремят кадрили и фокстроты: земля содрогается от топота башмаков, ахает от цоканья сафьянных сапожек. Отблески искристых небесных кружев падают на сахарно-белые дома – и мир становится разноцветным. Чтобы поторопить чудо, Учитель эм Марк затевает великий хоровод – люди и гномы берутся за руки и медленно идут по кругу, вглядываясь в сияющую вышину. Негромкий напев рано или поздно обрывается ликующим вскриком. Первое, смелое, яркое, как звезда, облако стремглав летит вниз.

Наступает время счастья. Живые облака, точно невесомые комья радужного снега, падают в трепещущие ладони, забираются в карманы плащей, устраиваются в тулях шляп, воротниками ложатся на плечи.

Так устроена жизнь в Светлом городе – в миг рождения каждый обретает родное облако. В первые дни оно согревает и ласкает младенца, а потом исчезает, чтобы вернуться по осени с другими красочными чудесами.

Любимые облака помогают городу пережить лютые зимы. Когда землю сковывают морозы, они, вырастая, накрывают дома, точно невесомые одеяла, или съеживаются и забираются в холодные постели, согревая приятным теплом. Малыши играют облаками, как куклами, ребята постарше втягивают их в добрые забавы. Зрелым людям облака внушают надежду, старикам поправляют здоровье. То крошечные, то исполинские, то теплые, то прохладные, облака радуют и оберегают горожан, превращая обычную жизнь в разноцветную.

Глава 1

В этом году чудо припозднилось. Небо стало серым и плотным, как шерстяная старушечья шаль, и там, наверху, не было и намека на пеструю радость. Приближался ноябрь, ливни то и дело сменялись сухим и сыпучим, как манка, снегом. Люди и гномы ежились, хмурились, кутаясь в подбитые ватой плащи. Каждому хотелось скорее обнять любимое облако! Но день шел за днем, неделя за неделей, а долгая нить пасмурных будней не обрывалась. Сумрачнее становились взрослые, чаще ссорились дети. Чтобы чем-то занять школьников, Учитель эм Марк задавал больше уроков. Мы злились, но зубрили.

Осенью мне исполнилось пятнадцать, и в глубине души я надеялся, что день рождения совпадет с облачным весельем. Этого не произошло – пришлось делать вид, что не огорчился. В гости я позвал давних друзей, знакомых со времен песочницы: пухлого добряка Пряника, молчаливого Грона, Вишню – дочь Учителя эм Марка. Целую неделю я, волнуясь, раздумывал, пригласить ли Пиону. Наконец решился – и получил вежливо-туманный ответ. Я и не верил, что Пиона придет ко мне.

Но Пиона пришла, хоть и опоздала на час. Быстрым движением сдвинув с виска белый завиток, она вручила мне коробку конфет, перевязанную шелковым бантом, улыбнулась, обняла и поцеловала в щеку. Я неловко поблагодарил, с досадой чувствуя, что краснею.

– А где же твой отец? – поинтересовалась она, будто не заметив моего смущения.

– В мастерской. Говорит, что не хочет мешать молодежи.

– Умный старик! – одобрительно кивнула Пиона. Качнулись тяжелые серьги.

Если бы так сказал кто-нибудь другой, я бы непременно возразил: «Да ты что, отец еще не старый!», но спорить с долгожданной гостьей мне не хотелось. В школе ее звали Пионой Прекрасной – девочки с презрением, парни с тайным восторгом. Она держалась королевой – ходила не спеша, говорила сладко. В других ровесницах не было ничего загадочного, взять хотя бы Вишню – та носила клетчатые платья или мальчишечьи бриджи, заплетала тугие косы и рассуждала о книгах, уроках и путешествиях. То ли дело Пиона! Длиннополые шелковые наряды, золотые серьги с крупными искристыми камнями и белые волосы, уложенные в высокую прическу, делали ее взрослой красавицей. Не было в городе девушки ярче Пионы, на нее заглядывались даже крепкие воины, и я был счастлив, что несколько дней назад она назвала меня своим другом.

Но вот странное дело! Едва Пиона Прекрасная переступила через порог, в комнате повисло тягостное молчание. Мы ели песочные пирожные, принесенные Пряником, – его отец, черноусый эм Реус, был торговцем и владел кондитерской, лениво кидали кубик, играя в картонную игру-бродилку с принцессами, гномами и драконами, но разговор не клеился, и все чувствовали себя не в своей тарелке.

– Ну, ребята, я пойду! – сказала Вишня. Ее называли так из-за того, что в темных косах искрились вишневые прядки; никто не вспоминал настоящее имя – Анна-Виктория. – Скоро экзамен по гномьему языку, надо готовиться.

– На твоём месте я бы вообще не заглядывал в учебник! – поддел ее Грон. – Разве отец поставит тебе двойку?

– Легко! – пожал плечами Вишня. Я знал, что это правда, – у Учителя эм Марка не было любимчиков.

Вишня была неплохая девочка, невредная. Прекрасно зная обо всех наших делах, она не докладывала о них отцу, отлично училась, но не хвасталась.

Я чистил для Пионы апельсин, но, когда Вишня встала, тоже из вежливости поднялся.

– Я тебя провожу. Темнеет.

– Нет! – поспешно возразила Вишня. – Ты именинник, развлекай гостей.

Проводить ее вызвался Пряник – Вишне он приходился кузенком. Когда они, распрощавшись, исчезли, Грон лениво кивнул в сторону двери:

– А Вишня – девчонка симпатичная. И ты ей нравишься, точно говорю.

– Да ну, глупости. Мы с ней сто лет знакомы! Она мне как сестра, – возразил я, сжав пальцы Пионы так, что на моей ладони остался отпечаток ее дорогого перстня.

Грон хмыкнул, но ничего не сказал.

Наутро я маялся от безделья. В оконное стекло неумоимо били упругие струи дождя, вода заливала город, мутные серые потоки бежали по мостовым.

Хоть бы распогодилось! Тогда бы я отправился на опушку гонять мяч с Гроном, или заглянул к Прянику, чтобы посмотреть на дракона, которого на днях подарили ему родители, или слазил в недалекую пещеру, чтобы поискать синие хрусталики и зеленые самоцветы. Я упрямил бы отца смастерить из них модные бусы, которые с радостью приняла бы Пиона. Но на небе не было просвета. Где же солнце? И где разноцветные облака?

– Осень заканчивается, а облака не летят, – пробурчал я. – Забыли они про нас, что ли?

– Не беспокойся. Не сегодня, так завтра явятся, – флегматично отозвался отец.

Когда-то он был главным воином, отважно бился со смоляными шакалами – разносчиками горелой чумы, чудовищной болезни, от которой много лет назад умерла мама, и с пупырчатыми болотищами, и с ледяными монстрами северных долин. В центре города, на ратуше, красовался его портрет: суровый ратник в серебристой кольчуге гордо опирался на великанский меч. «Воин Вадим непобедим!» – гласили витиеватые алые буквы.

Кольчуги у отца не имелось, да и меч был самый простой – правда, острый как бритва. Он висел на крючке в кладовой рядом с длинными связками фиолетового лука и пучками душистых трав – отец ловко рубил клинком мясо, крошил кабачки и тыквы. Громадную картину на ратуше отец терпеть не мог и не раз просил прежнего городского главу эм Крата снять ее. Но тот возражал: «Молодежь должна знать о подвигах!» А когда эм Крат умер, и власть в городе досталась толстяку Бобрикусу, который ловил каждое слово угрюмого чародея и предсказателя Колдуна, отец о большом портрете говорить перестал. Не потому, что изображение ему внезапно понравилось, – просто и Колдуна, и Бобрикуса он недолюбливал и не желал заводить разговоры.

Отец был немолод, его густая волнистая шевелюра давно поседела. С годами он погрузнел, но не обрюзг, оставался сильным и крепким, как могучий вяз. В городе Воина Вадима уважали. Отцом я гордился.

Не помню, чтобы отец тосковал или тревожился, – для этого не было времени. Со всех концов города тащили ему на починку немислимый хлам: погнутые арбалеты, дырявые корзины, часы с кукушкой, луки с порванной тетивой, затупившиеся мечи и даже дряхлые диваны с вылезшими пружинами. Отец аккуратно складывал барахло в приземистом сарайчике за домом, который громко называл мастерской, и принимался за дело. В его больших мозолистых руках любая вещь становилась как новая. Воин Вадим мог бы стать богачом – талант позволил бы, да только к наживе он не стремился: «Золота нам не надо, драконов тоже, а на жизнь заработаем». Нахваливая его мастерство, горожане расплачивались тусклыми ребристыми монетами, но чаще несли продукты: домашнюю колбасу, свежие яйца, грушевое варенье, теплый хлеб. Отец всё принимал с благодарностью.

Сейчас он сидел посреди комнаты на низеньком, основательно сбитом табурете и мерно постукивал молоточком – чинил чьи-то сапоги. Сапоги были старые, потертые, немодные, с загнутыми кверху носами, и место им было на свалке. Но я знал, что отец пришьет блестящие пряжки, соорудит отвороты, приколотит подошвы – и получится хорошая обувь.

– А если не прилетят облака? Как перезимуем? – сварливо поинтересовался я. Отцовское ровное настроение меня иногда раздражало. – Дров у нас мало.

– Дров достаточно.

– А если зима будет долгой? Помнишь, как в том году было морозно?

– Облака появятся вовремя.

– А если нет?

Отец отложил сапог, посмотрел на меня долгим взглядом:

– Тебе всего пятнадцать, сын. А рассуждаешь, как печальный старик.

– Я просто перебираю варианты. Я реалист.

– Если ты реалист, должен понимать, что законы нерушимы, – спокойно произнес отец и снова взялся за молоток. Подошва была твердая, и гвозди вбивались нелегко, но отец и не думал нервничать. – Всегда (тук!) наступает осень. Всегда (тук!) прилетают облака. Всегда (тук!) бывает праздник. Это же младенцу ясно, сын.

– Но неужели не случалось так, что облака прилетали, например, в декабре? – любопытствовал я, глядя в окно. Дождь сменился сырым снегом – рваные комья прилипали к стеклу, медленно падали на слякотную землю. От студеного дыхания зимы застывали надежды, а мне так хотелось дать облакам лишний шанс. – Неужели никогда-никогда не нарушались никакие правила?

Стук на мгновение прекратился. Я поднял глаза и увидел, что отец сдвинул широкие брови. Но уже через секунду он принялся колотить снова, да еще чаще и, как мне показалось, сердито: было «тук-тук-тук», стало «бум-бум-бум».

– Ты говоришь о том, чего не может быть, – наконец недовольно отозвался он. – А еще называешь себя реалистом. Правила на то и созданы, чтобы их соблюдать, а что уж говорить о великих законах природы! Конечно, из любых правил могут быть исключения, если это во благо, если несет добро. Но это такие редкие случаи, что и рассуждать о них незачем.

Я собрался было возразить, что об удивительных исключениях размышлять гораздо интереснее, чем о скучных правилах, и хотел попросить отца вспомнить о каком-нибудь невероятном событии – а он многое повидал в жизни. Но не успел. За окном вдруг просветлело, снег прекратился, будто его и не было, а небо подкрасилось бледно-розовым отблеском. К розовому добавился голубой, потом зеленый, фиалковый, и всю эту красоту подсветил, будто обнял, ослепительно золотой солнечный луч.

Сомнений не оставалось. Это не ранний закат. Это облака.

– Прилетели! – завопил я и, с силой толкнув тяжелые рамы, в чем был выскочил во двор. – Ура! Ура!

– Лион, куда раздетый! – крикнул вслед отец. То, что я сиганул в окно, его не взволновало, – он и сам направился вслед за мной, перекинув через плечо теплый плащ с капюшоном. Ловко, по-юношески спрыгнув с подоконника, он прикрыл створки и накинул плащ мне на плечи. – Ну-ка надень скорее. Облака – это прекрасно, но я не хочу, чтобы ты подхватил насморк и сопел все праздничные дни.

Я был поздним ребенком, первым и наверняка последним, и отец чрезмерно за меня волновался.

Глава 2

Поспешно натянув зеленый отцовский плащ и на бегу подворачивая рукава, я помчался на Овальную поляну. Отовсюду высыпали люди: кто-то нес лиловые и розовые астры, чудом дожившие до октября, кто-то спелые яблоки, чтобы на радостях раздать их соседям. В заросшем, украшенном бледными скульптурами парке со скрипом закружилась старая карусель. Возле длинной, аккуратно выкрашенной школы толпились галдящие перваши – ждали, когда придет Учитель эм Марк, торжественно повесит на ворота тяжелый замок и громко объявит о начале каникул.

На поляне разгоралось веселье. Толстый усатый эм Реус, слывший в городе скупердяем, – вот у кого каждый грошник на счету! – горстями раздавал карамельки. Круглые, как калачи, гномы (наши, местные, не из чужедальних земель!) весело смахивали листья с деревянной эстрады. Они не успели закончить работу, как на сцену стрижом взлетел дирижер в черном фраке, а за ним поднялись трубачи, скрипачи, гитаристы. Волшебные звуки вальсов, фокстротов и кадрилей вспорхнули в небеса и донеслись до самой дальней улицы Светлого города.

Как же я любил это прекрасное время! Небо пылало разноцветными огнями, а в сердце вспыхивали блестящие брызги салютов. От зажигательных плясок тряслась земля. Кружила в парах беспечная молодежь. Супруги, много лет прожившие под одной крышей, вновь становились юными и романтичными. Древние старухи, вынув из сундуков пестрые платки с кистями, вместе с пылью старинных вещей стряхивали годы. Постукивая деревянными клюками, они решительно ступали в центр хороводов и, посмеиваясь друг на другом и над собой, неуклюже выписывали кренделя – а вокруг прыгали и хохотали их правнуки. Все обнимались и целовались, радовались и хлопали в ладоши. В эти дни никто не сдерживал чувств, создавались пары, а в начале зимы в городе наступало счастливое время свадеб. Облака всегда искрились, точно алмазы, в кармане жениха и на длинной белоснежной фате невесты.

Я искал Пиону – и вскоре нашел. Она танцевала в середине большого круга – да так хорошо, что я встал поодаль, чтобы случайно не оборвать танец. Пиона надела золотистое платье, которое так шло к ее прозрачным бледно-голубым глазам, на плечи набросила пышную накидку из лисьего меха. Беззаботно стучали высокие каблочки, воздушными были движения. Все хлопали ей, а я любовался, забыв про все на свете.

– Что, красивая? – раздался пронзительно тонкий старческий голос, и я вздрогнул. Колдун в громадном, как колесо, кроваво-красном берете, в черном многослойном одеянии смотрел на меня с нескрываемым презрением. – Рано вам еще думать о красавицах, юноша! В вашем возрасте на уме должны быть только уроки, а не зрелые барышни!

– Вообще-то это моя одноклассница, – буркнул я, подумав, что даже Учитель эм Марк сегодня не говорит об учебе, а этот нашел время, завел шарманку.

– Одноклассница? – Колдун недоверчиво скривил губы. – Я полагал, она постарше вас, сопляков.

Может быть, в другую пору, набравшись храбрости, я ответил бы Колдуну что-нибудь дерзкое, но в День разноцветных облаков мне ни с кем не хотелось ссориться. Да и Пиона меня заметила. Закончив танец элегантным движением раскинутых рук, она благосклонно приняла аплодисменты и выскользнула ко мне через расступившуюся толпу – раскрасневшаяся, светло-волосая, прекрасная. Колдун посмотрел на нее так внимательно, будто впервые увидел, кинул злобный взгляд на меня и отошел в сторону.

– Тебе понравилось, как я танцевала, Лион?

– Очень.

– Я рада, – Пиона привычным жестом убрала завитушку с виска.

– Начинается вальс, – пробормотал я. – Может быть...

– Конечно! – с полуслова поняла Пиона. – Пойдем скорее!

От нее сладко пахло розами и карамелью, нежно звенели длинные серьги с блестящими зелеными камушками. «Родители Пионы живут зажиточно, торгуют лесом, владеют драконами», – не к месту вспомнились отцовские слова. Да какая разница, кто ее родители! Вот она – удивительная девушка, стоит рядом и белозубо смеется. Жаль только, что из-за ее высоченных, как шпиль у городской ратуши, каблуков я кажусь еще ниже, а ведь я и так невысок.

Она взяла меня за руку и потянула в круг. Краем глаза я заметил, что на поляну пришли Грон, Пряник и Вишня. Я кивнул им и, увлекаемый Пионией, закружился в танце. Наверно, получалось у меня нелепо – я видел издали, как ухмыляется Грон, но сегодня это меня несколько не тревожило. В небе разноцветные облака, рядом – Пиона Прекрасная, что еще нужно для лучезарного счастья?

После танцев и потешных игр пришло время веселого и щедрого пиршества – на поляне появились первые столы. Пиону позвала мать, и она, картинно мне поклонившись, ускользнула. Пряник и Вишня помогли взрослым: расстилали синие и белые скатерти, носили блюда. Ожидая угощение, малыши собирались веселыми чирикающими стайками.

– Я уже видел свое облако! – сбивчиво убеждал приятелей семилетний Нежик, братишка Грона, взволнованно размахивая руками. – У меня Зеленый воробей, помните? Я сразу его разглядел!

– Ты еще скажи, что он подмигнул тебе! – хохотнул Грон. – Сколько раз я тебе объяснял, что невозможно рассмотреть свое облако, пока оно высоко. Это против всех законов! Они сливаются в цветную тучу – вот и всё.

– Сам ты туча! – обиделся Нежик. – Не видел – не говори. А я видел!

– Да невозможно это! – в сердцах повторил Грон, и я удивился, что в праздничный день он чем-то разозлён. – Мы же не в сказке живем, а в Светлом городе. Да что с тобой говорить! – Он махнул рукой и отошел к пестрым палаткам, где в эти дни хозяйки раздавали пирожки, пышки и блинчики с вареньем и каждому норовили сунуть по два-три сахарных петушка.

– Не огорчайся, Нежик, – решил я подбодрить маленького соседа. – Я верю, что ты заметил Зеленого воробья.

– Конечно! – обрадовался он. – А тебе удавалось разглядеть своё облако на небе?

– Я пытался, но мой Лев не показывается раньше времени. Может быть, так и надо, а, Нежик? Облака дружные, держатся друг за друга. Вот бы и нам так же! А то ссоримся по пустякам.

– Правда, – задумчиво сказал он. – Я скучаю по Воробью. А тебе без Льва – как? Грустно?

– Очень, – признался я.

– Еще бы! У тебя такое красивое облако. И еще на нем можно ездить верхом.

Подошел отец – ради праздника он надел широкополую шляпу и новый синий плащ на завязках. Весело хлопнул меня по плечу:

– Я же говорил, что прилетят в срок, – довольно прищурился он, глянув в цветное небо. – Закон природы! Ну что, сын, пойдем вытаскивать столы. Кстати, через окно стол тащить удобнее, чем через узкую дверь, так что твой метод вполне годится.

Он рассмеялся – и я тоже. Я так любил, когда отец делался веселым! Соседи рассказывали, что, когда умерла мама, у него погасли глаза. В тот же год отец отказался от обязанностей главного воина (мол, возраст не тот, да и состояние духа не позволяет), повесил меч на крюк и открыл мастерскую. Мне в ту пору не было и пяти лет. Второй раз он так и не женился – опасался, что новая хозяйка не найдет со мной общего языка. Меня отец берег, избавлял от тяжелой работы, не бранил за школьные неуспехи – разве что смотрел с укоризной. Изредка учил фехтованию, и мы беззлобно дрались на длинных деревянных мечах.

Отцу досталось забавное облако – Серебристый медведь. В городе поговаривали, что все облака напоминают владельцев, но я считал это вымыслом. Как сочетался пухлый Зеленый воробей с худеньким, простым, как хлеб, Нежиком? Что было общего у неказистой Лисицы – и Пионы Прекрасной? И чем я, тощий невзрачный пацан, напоминал Крылатого Льва? Разве что встрепанными, как грива, волосами.

Праздничная суeta затянула нас. Молниеносной вспышкой под разноцветным небом мелькнули два веселых дня, и всех охватило привычное радостное волнение. И снова был хорорвод, снова звучали завораживающие призывные песни. Когда первое облако упало на плечо Нежика – яркая, как первая листва, птичка, все дружно захлопали, а Нежик заплакал.

Облака спускались весело и торопливо – к Грону острохвостый енот, к Вишне – огненно-красная белка, которую та называла Алькой. Довольный отец, улыбаясь, пожимал невесомую

лапу Серебристому медведю. Громадные облака съезжались, чтобы оказаться в объятиях взрослых людей, а к восхищенным малышам падали в нетерпеливо раскрытые ладони.

Не прошло и часа, как у каждого трепетало облако – на плече, в руках, в кармане, и кто-то уже спешил с ним домой, чтобы оно отдохнуло с дальней дороги. Некоторые горожане даже хранили в домах расписные колыбели, чтобы облака могли в них ночевать.

Я посмотрел по сторонам – облака были у всех.

Только ко мне Крылатый Лев не прилетел.

Глава 3

Я ждал час, другой, третий, но небо стало тусклым, бесцветным, а место ажурных облаков заняли мутные перистые тучи.

Ко мне подходили дети и взрослые – из-под воротников и шляп выглядывали их облачные приятели. Люди улыбались, хлопали меня по плечу, повторяли, что Крылатый лев непременно появится – ведь по-другому и быть не может. Я и сам понимал, что облако должно прилететь – а как иначе? С беспомощной надеждой вглядываясь в темнеющую высь, я смотрел вверх до ломоты в шее, до острой боли в глазах, но не видел там ровным счетом ничего – только небо, совсем обычное, синевато-серое, блеклое и безжизненное.

– Не грусти, ладно? Не грусти! – повторял маленький Нежик, крепко прижимая к сердцу Зеленого воробья. – Наверно, у Льва какие-то дела! А что, у облаков не может быть дел? А если сегодня не прилетит – значит, завтра.

– Ко всем сейчас, а ко мне завтра? – печально улыбнулся я.

– А что? День или другой – какая разница?

Все понимали, что есть разница. Облака всегда спускались дружной стаей, и не было случая, чтобы чье-то облако заблудилось в дороге.

– Да что там говорить! – вдруг резко выдал Грон. – Приползет твой драный кот, куда денется! Только помни: он тебя видеть не хочет, поэтому и опаздывает. Я бы тоже к такому, как ты, не торопился.

Я опешил – ведь считал Грона добрым приятелем! – но вскочил, рванулся к нему, схватил за ворот:

– Крылатый Лев – не драный кот! И какой я, по-твоему? Какой?

Грон был выше, крепче меня, но обида и жестокая тоска придавали сил. Пожалуй, я смог бы залепить ему хороший фингал, если бы не подспели Вишня и Пиона. Вишня вцепилась в нас: «С ума сошли? В такой-то день!», а Пиона осуждающе покачала прической, похожей на пышный белый цветок: «Ну вы и даете, мальчики!»

При Пионе мне не хотелось выглядеть встрепанным петухом. Я оторвался от Грона, буркнул:

– Не говори так про Льва, понял? – И не выдержал, горько добавил: – А я думал, что ты мой друг.

– Я тоже так думал, – прищурился Грон и посмотрел в сторону Пионы. – Пока ты не увел у меня девчонку. До твоего дрянного дня рождения она хотела встречаться со мной, ясно?

– А что это вы говорите, будто меня тут нет, мальчики? – улыбнулась Пиона. – Лион, правда, где же твой царственный лев? У тебя самое красивое облако, я всегда им любовалась!

Будто я мог ей ответить! Я нахмурился, отвернулся.

– Жаль, очень жаль... – вздохнула Пиона. – Но ничего, ожидание тоже может быть прекрасным, верно? Простите, друзья, мне пора. В честь праздника отец обещал дать мне дракона – полетаю над нарядным городом.

– Я тебя провожу! – шагнул к ней Грон. – А может, покатаемся вместе?

– Что ж, я не против, – пожал плечами Пиона.

Я не мог поверить! Совсем недавно она весело учила меня танцевать, обнимала, смеялась – а теперь уходит с Гроном, который при всех говорил мне гадости?

– Ну и идите. Ну и ладно, – отвернулся я.

– Не грусти, пожалуйста! – снова шепнул Нежик. Виновато глянув из-под ресниц, он двинулся за братом.

Они ушли, а я сел на сырые осенние листья, уперся кулаками в подбородок. Может быть, Грон прав и Крылатый Лев не любит меня? Ведь я не замечаю самых простых вещей! Вообра-

зил, что нравлюсь Пионе, но она преспокойно отправилась с Гроном. Полагал, что Грон – мой товарищ, а оказалось, что он кипит от ненависти и ревности. А я ведь даже не подозревал, что у Пионы Прекрасной и Грона были какие-то отношения!

Нет, нет, нет! Я замотал головой, чтобы стряхнуть навязчивый морок. Крылатый Лев всегда радовался долгожданной встрече. Каждый год он спускался вовремя, и мой мир озарялся сказочным золотым сиянием.

Я называл Крылатого Льва Лёвущкой, если рядом не было посторонних. Он освещал дорогу, когда я выходил гулять зимними вечерами, и отец не тревожился за меня. Ночью Лев забирался под одеяло, уютно прильнув ко мне, точно теплый котенок, и я делился с ним радостями и печалью. Я гордился, что Крылатый Лев – единственное облако, на котором можно кататься верхом. Чем же я обидел его, раз он не прилетел в назначенный срок? Что же произошло?

– Не расстраивайся, – тихо сказала Вишня. Я и не заметил, что она рядом. – Ведь день еще не кончился.

– Не надо меня успокаивать, очень прошу, – нахмурился я. – Я не маленький. Можно мне побыть одному?

– Пожалуйста, – видимо, Вишня обиделась.

Смеркалось, с каждой минутой становилось холоднее. Пронизывающий ветер нахально проникал под полы широкого плаща, навязчиво лез в уши, больно царапал ладони. Я натянул капюшон – никого не желал видеть. Рядом со мной молча сел отец, накинул поверх плаща большой клетчатый плед. Это выглядело глупо, и я хотел его сбросить, но пожалел отца – ведь он тоже беспокоился.

Отец понимал, когда меня не стоит донимать разговорами, – он просто был рядом. Серебристый медведь привалился к широкой отцовской спине.

Я прикрыл глаза, желая остаться в тишине, темноте и одиночестве – ну ладно, пусть с отцом и его медведем, но по хрусткому шороху листьев и негромким встревоженным голосам понял, что вокруг собирается народ. Сначала никто, кроме приятелей, не обратил внимания, что ко мне все-таки не прилетело облако, – все думали, что оно запоздало. Но вскоре неслыханная, поразительная новость разлетелась по Светлому городу, и люди, взволнованные, озадаченные, снова высыпали на поляну.

– Лион, тебе стоило бы пойти домой, – услышал я голос Учителя эм Марка. Обычно сухой и строгий, сейчас он говорил непривычно мягко. – Ничего, что твое облако задержалось. В жизни бывает всякое. Выпей горячего чаю и ложись спать. Проснешься – а Лев рядом. Не тревожься.

– Эм Марк, неужели вы думаете, что я переживаю за себя? – Я в недоумении поднял глаза на Учителя. – Я волнуюсь за него! Чувствую, что со Львом произошло что-то плохое.

– Ты добрый человек, – серьезно сказал Учитель. – Но не стоит горевать. Все наладится.

– Почему же именно ко мне вовремя не прилетело облако?

– Я этого не знаю, Лион, – грустно отозвался Учитель, машинально поглаживая за ушком небольшого облачного Филина. – Нам многое неведомо. Почему облака связаны с нами невидимой нитью? Как узнают они о рождении человека? Что происходит с ними в день смерти? На эти вопросы я не могу дать ответа, а ведь мне известно немало, мой друг. Иди домой, Лион. Поздно уже. Явится к тебе твой Крылатый Лев. Явится.

* * *

Учитель эм Марк никогда не ошибался – по крайней мере, мне так казалось. Я ушел домой опечаленный, но окрыленный надеждой.

Но на сей раз и Учитель оказался не прав. Небо почернело, а Крылатый Лев так и не прилетел.

Ночью в нашем доме горел яркий свет – я зажег все свечи и лампы, чтобы Крылатый Лев спешил сюда, как к маяку. Увесистые ходики в виде пышногривого льва с мощными лапами (отец давным-давно смастерил их из фанеры, металлических обрезков и жестяных завитушек) каждый час разбивали тишину неуместно радостным звоном. Отец не мог сидеть без дела – устроившись в крошечной кухне, он то шуршал наждаком, то скрипел напильником, но и у него, я слышал это, всё валилось из рук. Тихо чертыхаясь, он нервно гремел инструментами, ронял их и наконец зашвырнул в громоздкий железный ящик – дом содрогнулся от грохота. Впервые в жизни я почувствовал, как рассыпается по камешкам монолитная скала его привычного хладнокровия. Серебристый медведь съежился в клубок и живо закатился под лавку – он тоже чувствовал, что в доме неладно.

Львиные ходики звонко простучали три раза, на улице стихли последние голоса – все гуляки и горячие головы спали. Жарче растопив печь, я забрался с ногами на низкий, покрытый потертым узорчатым ковром топчан и смотрел на оранжевые перья плясавшего огня. Отец примостился рядом, отхлебывая горячий кофе из пузатой фаянсовой кружки. Кружка предназначалась для пива, но отец презирал горячительное, даже домашняя наливка в нашем доме не водилась. Из всех крепких напитков отец выбирал горький, как лекарство, кофе и пил его помногу, особенно когда был чем-то встревожен. Мне же теперь не хотелось ни кофе, ни чаю, ни спать, ни жить.

Отец повертел в мозолистых ладонях кружку-великаншу, глянул в нее, раздосадовано крякнул – осталась лишь черная гуща. Поставив кружку на дощатый пол, он положил мне на плечо тяжелую руку.

– Что же делать, сын. Не всегда жизнь бывает сладкой. Случаются и горькие дни.

Ну зачем говорить прописные истины? Он думает, что сможет этим утешить? До чего же наивны и даже смешны эти взрослые! Я бы произнес это вслух, если бы не мешал влажный комок, перекатывающийся по гортани.

– Надо жить дальше, – снова сказал, точно в пустоту, отец. Я сделал вид, что не слышу его, но он продолжал: – Можно погрустить, пожалеть себя. Поплакать. Воины тоже плачут, Лион, когда никто не видит, поверь мне! Но потом надо разозлиться на свою слабость, выпрямиться – и назло всем бедам идти вперед. Будь сильным, сын. Тогда и Лев к тебе прилетит.

– Ты сам-то в это веришь? – сумрачно поинтересовался я, глянув в его глубокие зеленые глаза, вокруг которых разбегались лучики-морщинки.

– Надо верить.

– Значит, не веришь, – кивнул я и отвернулся.

Нависла нехорошая, напряженная тишина – только ходики мерно отстукивали секунды. Отец тяжело поднялся – много лет назад после сражения с ледяными монстрами у него распухли колени. Споткнулся о кружку, которую сам же поставил под ноги, тихо выругался («Зацепи змею за хвост!»), поднял ее, удаляясь на кухню. Там он долго гремел посудой, выжигая из буфета турку и расписную кофейную жестянку. Привычный горьковатый дымный аромат вновь заполнил все щели, углы и простенки. Отец полюбил кофе, когда бросил курить, а с табаком расстался в одночасье лет пять назад, решив, что не хочет подавать дурной пример сыну. Зашвырнув в печь любимую, самолично вырезанную трубку, он сдержал слово и к табаку не прикасался, но кофе глотал столько, что я боялся, как бы он не посадил сердце. Оно после грозных битв и так его подводило.

Осторожно придерживая обжигающую кружку, отец снова опустился рядом и, будто собравшись с духом, проговорил:

– Сын, живые облака – не пушистые игрушки. Это частички нашей души.

– Все это знают. И что? – равнодушно отозвался я. – Хочешь сказать, что твой сын глупый и бездушный, поэтому недостойн такого красивого облака?

– То, что глупый, – с этим я согласен, а в остальном – полная чепуха! – Отец встрепал мне и без того взъерошенные волосы. – Ты меня не перебивай. Я кое-что должен тебе сказать, а мне и так непросто.

Он сделал большой глоток, снова поставил кружку под ноги.

– Много лет назад кое-кто потрепал мне нервы – мол, настанет день и не прилетит к твоему сыну облако. Не верил я, нет! А вот случилось.

Гигантская сова ухнула в сердце.

Я хотел что-то произнести, но отец мотнул головой – помолчи! – и заговорил тихо и медленно, будто ронял не слова, а тяжелые камни. Скрипели, обугливаясь, догорающие дрова, Серебристый медведь, выкатившись из-под кровати, подрос, доверчиво прижался к теплому отцовскому боку. Рассказывать цветисто и многословно отец не умел – ведь он был воином, а не сказителем. Эту историю я передаю так, как она отозвалась во мне той печальной ночью.

Глава 4

Рассказ Воина Вадима

Этой истории пятнадцать лет – столько же, сколько тебе, сынок. Дело было в середине октября, накануне в город прилетели разноцветные облака и повсеместно царило буйное веселье. Беззаботная музыка играла то тут, то там, люди отплясывали кадрили, а небо над ними сияло пестрой лоскутной красотой.

Только в нашем доме в тот день кипело волнение. Я не мог найти себе места – то мерил шагами комнату, то выходил во двор, чтобы глотнуть свежего осеннего воздуха, с нетерпением ожидая первого младенческого крика. Я был бы рад и дочери – это истинная правда! Но сердце подсказывало, что у Меи родится мальчик: сын, воин, продолжатель рода.

Видно, я так часто хлопал дверями, что повитуха Кларисса, высунув длинный нос из-за зыбкой зеленой занавески с ромашками, сипло проскрипела:

– Шастаете туда-сюда, папаша! А ведь дует. Шли бы вы на улицу, что ли. Гляньте, какой там праздник. А в доме вам делать нечего.

Грубоватое слово «папаша» согрело мое сердце, и я согласился пройтись. Празднество меня в тот день не интересовало, хотя я был рад, что ребенок выбрал лучшее время для появления в этом мире. Родись он, скажем, в апреле – и его облако, погостив пару дней, растворилось бы в прохладном весеннем воздухе. Но в холодную пору облако не исчезнет – полгода оно будет согревать собой розового младенца и улетит с облачными собратьями в свой срок.

Подняв воротник плаща, я бродил по улочкам, едва замечая волшебное небесное разноцветье. Повсюду обнимались юные парочки, играли шариками гномы-жонглеры. Какой-то неумелый музыкант неумоимо терзал увесистую железную дудку, похожую на водосточную трубу, и она издавала пронзительные скрипучие звуки. Фальшивая мелодия злила, тревожила меня и казалась предвестием несчастья. Чтобы успокоиться, я заглянул к приятелю Марку, тогда еще молодому неопытному учителю. Его жена Лиза тоже ждала ребенка – через месяц родилась Анна-Виктория, Вишня.

Марк – не по годам мудрый, спокойный и сильный, усадил меня за стол, заварил чаю с мятой. Он угощал яблочными пышками, да у меня кусок не лез в горло. Увидев, что я волнуясь куда больше, чем перед решающей битвой, он посоветовал пригласить к Мее врача. «Нет, что ты! Мея доверяет только Клариссе!» – возразил я. «Другое мнение не будет лишним. Я непременно позову к Лизе доктора, когда придет время», – ответил Марк.

Я не послушал товарища. Как же я пожалел об этом!

Умиротворенный дружеской беседой, я поспешил домой. Мне думалось, что там, за зеленой колышущейся занавеской, счастливая Мея уже прижимает к груди крошечного, похожего на меня мальчика.

В подвале томились бочки с вином. Накануне я самолично напек пирогов – и мясных, и сладких. Во всех красках я представлял эту восхитительную картину – как выскакиваю на крыльцо, едва удерживая тяжелые блестящие противни с пирогами, и кричу во весь голос, на весь мир: «Угощаю! Всех угощаю! У меня сын!»

Но, едва ступив на порог, я услышал не звонкий голос младенца, а горькие стенания Меи и писклявые истеричные уговоры Клариссы. Не снимая тяжелых сапог, я ринулся в закуток – и в ужасе увидел, что встрепанная Кларисса стоит возле окна и держит что-то, похожее на завернутое в тряпки куклу.

– Покажи! – Я рванулся к Клариссе, но та крепче прижала белый сверток.

– Что ж вам смотреть? – ворчливо вскинулась она. – Смотреть-то чего, говорю? Я заберу это, отнесу Колдуну, чтобы предал земле по всем правилам. Малец получился мертвым, облако

не спустилось – стало быть, не человек это, а, как бы сказать, кожура! Как яичная скорлупа, как кожица от яблока. А кожуру-то что жалеть, ась? Души-то в ней нету!

– Нет, это ты кожура, бездушная курица! – взревел я. – Дай мне ребенка!

– Что ж вы кричите, господин, что ж вы кричите! – взвизгнула Кларисса, неловко отодвигаясь – видно, вспомнила, что я воин, а не мешок с картошкой. – Вашему горю сочувствую, но я же в нем неповинна!

– Она правда не виновата, Вадим, – сквозь слезы проговорила Мея. – Сначала все было хорошо, даже тень облака мелькнула. Малыш вскрикнул, но сразу замолчал... навсегда.

Не слушая истеричные возгласы горе-повитухи (эта тетка могла бы быть подобрей!), я осторожно забрал младенца – она неохотно выпустила его из рук. Отвернувшись к окну, я поднял уголок белой тряпки и долго вглядывался в крошечное фарфоровое личико, ощущая, как впиваются в сердце осколки разбившейся вдребезги надежды. Кларисса исчезла из комнаты, да я этого и не заметил. Только острый, как стрела, вскрик Меи вывел меня из чугунного оцепенения:

– Вадим! Посмотри наверх!

Не помня себя, я поднял глаза и ничего не увидел – взор застлала мутная пелена. Но потом, вглядевшись, понял – на белом потолке мерцает золотая точка.

– Это отсвет облака... Это облако нашего сына! – прошептала Мея. – Оно здесь!

Моя жена, белая, как кусок сахара, истаявшая, измученная, поднялась с постели – и тут же рухнула на колени, в отчаянной мольбе протянув к потолку руки. Обращаясь то к облачному отблеску, то к высшим силам, она просила вдохнуть жизнь в единственного ребенка. Никогда я не слышал таких обжигающих слов!

Я не умел молиться. Прижимая сына к груди, я не отводил глаз от мерцающей точки и повторял, как заклинание: «Останься. Останься. Останься!» В чудеса я не верил, жуткие мысли, как щипцы, разрывали голову: «Ребенка нет. Не обманывай себя. Это не облако, это отблеск пламени – на улицах праздник, там бродят люди с факелами...» Но, глядя на ослепительно яркую точку на потолке, в последнем горьком уповании я выдыхал снова и снова: «Останься!»

Безмолвный, безжизненный сверток трепыхнулся в моих руках, точно рыбка.

Я плохо понимал, что происходит. Бережно придерживая младенца, я опустился на пол рядом с Меей и передал сына в ее тонкие нетерпеливые руки. Она горько заплакала – и я решил, что это конец. Но когда жена зашептала – несвязно, путано, безумно: «Розовые щечки, зеленые глазки...», я понял, что не беспощадное горе, а великая радость вошла в наш дом.

Облако, плавно спустившись, яркой звездочкой кружило вокруг младенца. Восхитительно золотое, но еще бесформенное, оно нырнуло к ребенку, запеленав его невесомым искристым покрывалом, точно волшебной пылью. Комнату огласил здоровый младенческий крик, и я, железный Воин Вадим, безжалостный к врагу, грозный, мощный, плечистый – тоже впервые за много лет заплакал.

Случилось непостижимое, небывалое – облако оживило сына! В теплых материнских руках ворошился прекрасный малыш. Я не мог налюбоваться Меей и мальчиком, но душу обливал ледяной ужас. А вдруг облако спустилось лишь на короткие минуты? Что, если, следуя правилам, оно покинет дитя навсегда? Ведь никогда, никогда не прилетало облако к умершему в родах ребенку!

Облако, вострепнувшись, оторвалось от младенца – и сердце мое, оборвавшись, полетело в пропасть. Меины глаза наполнились безумной решимостью. Мне показалось, что в диком порыве она сорвет со стены рыболовную снасть, чтобы удержать ею облачную частичку души нашего сына, и я осторожно взял ее за запястье. Но облако не исчезло – оно поднялось над нами и, покачиваясь и мерцая, воплотилось в роскошного Крылатого Льва. Комната окуталась

богатым золотым сиянием. В тот момент мы осознали – Лев не исчезнет. Сын останется с нами навсегда.

Дома стало жарко – огонь в печи разгорелся так пылко, будто тоже волновался и радовался за нас. Перед моими глазами потекли мутные зеленые и фиолетовые узоры, сердце отяжелело, будто его, как мешок, набили речной галькой. Я понял, что, если в ту же минуту не вдохну холодного свежего воздуха, рухну на пол и, возможно, уже не встану. Дважды поцеловав Мею и младенца, я, качаясь, вышел на крыльцо – и оторопел.

Двор был полон огней. Добрая сотня людей с керосиновыми фонарями и факелами смотрела на меня и молчала.

Глава 5

Рассказ Воина Вадима

(продолжение)

Небо уже гасло, спускались сумерки, и разноцветные облака, еще не покинувшие вышину, сливались с густой сочной синевой. На улице, час назад гудевшей от песен и плясок, было тихо, как в ледяной пустыне.

Плотно прикрыв дверь, чтобы пронырливые сквозняки не проникли к молодой матери и младенцу, я прислонился к косяку и жадно глотнул сырого осеннего ветра. Мне все стало ясно – эти люди пришли, чтобы произнести печальные слова сострадания. До них донеслась весть, что в доме Воина Вадима умер долгожданный первенец, а когда в городе случается такая черная беда, никто больше не празднует – даже завязтые пьяницы уползают в норы.

Я попытался улыбнуться и сообщить, что несчастье обошло мой дом стороной, – но слова лишь скрипнули песком на зубах. Никогда и ничего не выбивало меня из колеи – ни занесенные над головой мечи, ни исторгающие пламя дикие драконы, ни коварные смоляные шакалы. Истекая кровью после битвы с мерзкими болотищами, я, преодолевая боль, улыбался и старался подбодрить нехитрыми шутками угрюмых озабоченных лекарей. События этого дня впервые лишили меня равновесия. Мне было нехорошо, и я не мог вымолвить ни слова.

От толпы отделился давний друг Марк. Несмотря на молодость, он считался одним из самых уважаемых людей в городе.

Марк славен не только безграничными знаниями, блестящей памятью и способностью обучать. В юности он был отчаянным воином – мы рука об руку защищали город от нечисти, хотя он много моложе меня. После жестокой схватки с болотищами (они едва не изодрали его в клочья) сражаться Марк больше не мог. К тому времени город остался без главного Учителя – прежний, эм Дин, тихо умер от старости. Быстро, без раздоров горожане избрали новым Учителем молодого воина Марка – все знали, что он прочел много книг и с детства одержим науками.

Разве что Колдун недолюбливал Марка («мыслит вольно!»), но вынужден был согласиться с народом, тем более тогдашний городской глава эм Крат всей душой поддерживал моего друга. В ту пору эм Крат уже серьезно болел, редко выходил из дома и поручал Марку решать многие непростые вопросы. Вскоре мы поняли, что детям Светлого города несказанно повезло, ибо во всем мире не сыскать учителя мудрее, честнее и справедливее.

В тот вечер карие глаза Марка переполняло болезненное сочувствие. Он выступил вперед, придерживая бронзовую чашу с огнем, и произнес тихо, но отчетливо:

– Воин Вадим, печаль твоей семьи – наша печаль. Никакие слова сейчас не помогут. Мы пришли, чтобы напомнить: ты и Мея не одиноки. Сделаем для вас всё, что можем. Только скажи.

Я кашлянул – горло по-прежнему разрывала боль, будто туда проникла ядовитая бабочка с кинжальными крыльями, решительно качнул головой: «Нет!» Хрипя (каждое слово давалось с мукой), проговорил:

– Мой сын жив, люди.

По толпе прокатилась тихая волна недоумения. Со стороны, противоположной от Марка, важно выплыл Колдун в долгополом черном балахоне. Сдвинув набок кроваво-красный берет, он погрозил крючковатым пальцем и монотонно загнусавил:

– Где же твоя хваленая стойкость, Воин Вадим? Прими свою беду, примиришься с ней. А затем опомнись: является ли беспросветным страданием смерть едва народившегося младенца? Его не было в этом мире вчера, нет и сегодня, а завтра ты и вовсе забудешь о нем.

Чтобы подавить горячее желание расквасить его острый хрящеватый нос, я шагнул назад и, собравшись с силами, повторил:

– Мой сын жив.

– Предадим его земле до рассвета, – не слушая меня, продолжал Колдун. – Выбери двух факельщиков из парней помоложе. Они осветят дорогу к вечному приюту.

Я вздрогнул, будто в грудь впиалась острая булавка от медали, – да вот только награды свои я никогда не носил. А вдруг, пока я препираюсь с Колдуном, дома и впрямь случилась беда? Молча толкнув дверь, я двинулся в комнату, нервно дернул зеленую занавеску. Любимая Мея нежно улыбнулась мне, у груди сопел и причмокивал розовощекий малыш. Облачный Лев, точно теплый рыжий котенок, нежился и потягивался на вышитой цветами подушке.

Поцеловав жену, я вновь вышел на крыльцо, но меня уже не трясло, не шатало. Сердце, укутанное, точно шелковой шалью, неизведанной ранее нежностью, согрелось и успокоилось. Оглядев народ, обычным голосом – не хриплым, не сорванным – я гулко провозгласил:

– Спасибо, люди! Я не забуду, что вы пришли разделить со мной горе. Но все обошлось, сын выжил, и к нему спустилось прекрасное облако. Это Крылатый Лев. И сына я назову в честь него – Лионом.

Горожане в растерянности переглядывались, подталкивали друг друга, нерешительно улыбались, одобрительно перешептывались. Но Колдун не отступал. В бешенстве заломив берет, он бесцеремонно схватил за руку, подтолкнул к крыльцу упирающуюся сердитую Клариссу и с яростью выкрикнул:

– Эта женщина возвестила о смерти младенца! Зачем ей лгать? Скажи, Кларисса, скажи! Жив или мертв сын Меи и Вадима? Жив или мертв? Говори! Говори же!

Бесцветные, тесно посаженные глаза Клариссы растерянно бегали. Заметно нервничая, она поглядывала то на меня, то на Колдуна, теребила завязки плаща, всхлипывала. Наконец, решившись, она взвизгнула: «Мертвый!» – и тут же растворилась в толпе.

– Безумие охватило тебя, Воин Вадим! – пригвоздил Колдун, не скрывая насмешки.

Его острый, как циркуль, подбородок горделиво вскинулся. Крошечные глазки – точь-в-точь черный перец горошком – обжигали гневом. По сей день я не знаю, почему Колдун призывал беду в мой дом. Поговаривали, что ему нравилась Мея (она была истинной красавицей), но она предпочла меня – немолодого, небогатого, неотесанного воина. Но я думаю, что это неправда, – вряд ли Колдун умеет любить хоть кого-то, кроме себя. Он всегда жил бездетно и одиноко.

– А знаете, господин Колдун, шли бы вы... – Я хотел прибавить «лесом», но сдержался и выговорил: – ...домой, ночь на дворе. Да и я хочу к жене и сыну.

– Не темни, воин Вадим! Правила писаны, законы незыблемы! Младенец, не упокоенный в срок, навлечет на город горькие беды! Страшные беды! Народ погрязнет в несчастьях.

Люди встревожились, загудели – многие в городе верят Колдуну, ведь тот живет здесь с незапамятных времен, кое-кто полагает, что он владеет тайной бессмертия.

Учитель эм Марк приложил ладонь к сердцу:

– Воин Вадим, мы же друзья. Сквозь боль и радость горожане проходят вместе. Если твой сын умер, оплачем и простимся с ним. Если жив – придем с подарками. Но нам следует знать правду, ибо то, что происходит, невиданно и странно.

– Что я должен сделать? – спросил я, глядя в глаза лишь ему – другу Марку. Но ответил не он – Колдун. Вонзая в меня острый, как копье, черный взгляд, он выкрикнул:

– Покажи сына!

Я рванулся было за младенцем, но неистовый ветер, взбаламутив тяжелые кроны, сунулся под воротник, обжег шею первой ледяной стужей. С оглушительным треском преломилась и рухнула под ноги ветвь дряхлого клена. В бешенстве подтолкнув ее сапогом, я понял – никакие правила и законы не заставят меня вынести сюда, на подмерзшее крыльцо, слабое, только что народившееся дитя, в котором едва теплится жизнь.

– Не стану я тащить младенца на холод, – буркнул я. – Придется верить на слово.

– Вот видите! – истерично взвился Колдун.

Учитель эм Марк обернулся к людям:

– Слушайте, горожане! Зачем же нам смотреть на ребенка? Разве не увидим мы его, когда придет время? Наступят новые дни, и он выйдет на эти улицы, будет играть, шалить, пойдет в классы. А младенцы – они все одинаковые, красные и крикливые... – вскинув чашу с огнем высоко над головой, он решительно сдержал неодобрительный шум толпы и уверенно продолжил: – Нет, не нужно предъявлять нам сына, воин Вадим! Но ведь можно... показать его облако.

Лишь он обронил это, как с неба искристым дождем посыпались живые облака. Невиданное дело! Без ритуалов и призывных песен, не светлым днем, а звездным вечером спустилось к нам любимое разноцветье. «А-ах!» – пронесся восторженный вздох. Придерживая лампы и факелы, люди, забыв про все на свете, глядели, заворуженно улыбаясь, в озаренную вспышками высь.

Как же прекрасны облачные друзья в синих осенних сумерках! Они блестят, точно великанские светлячки, играют, как малые дети. Круглые, точно яблоки, ежи и юркие ящерки, кривляки-обезьянки и важные драконы, изысканные бабочки и пухлые снеговики – все облака, потанцевав в вышине, спустились ниже и остались над нами в дружном лоскутном хороводе. Я заметил, как синяя облачная ласточка бесстрашно юркнула в дымоход – поспешила порадовать Мею, а потом вернулась, чтобы еще немного покружить с невесомыми собратьями. Облака искрились огоньками – белыми, розовыми, зелеными, украшая темноту мягким сиянием. И Серебристый медведь, дружелюбно коснувшись моей холодной щеки, повис над непокрытой, за день поседевшей головой.

В миг полнокровного счастья раздался колючий насмешливый фальцет Колдуна:

– Ну и где же хваленый Лев? Посмотрите, все облака здесь! А где же Лев? Нет его! Нет и не будет! Нет человека – нет облака! Таков извечный закон нашей земли!

Учитель молчал, но безмолвие его было наполнено глубокой печалью. Другие тоже не проронили ни слова. Я беспомощно оглянулся, повертел головой и, не видя Льва, уже хотел было, раздраженно махнув рукой, отправиться к любимой жене, но тут вновь прокатилось ликующее «А-ах!» – и я замер.

Крохотная искорка, затерявшаяся поначалу меж других облаков, росла и мерцала. Сотни восхищенных глаз смотрели в небо, где вершилось чудо, – желтый огонек превращался в могучего царя зверей – небывалого, крылатого, прекрасного.

Гигантский лев, громадный, как солнце, вознесся выше облачного хоровода, выше старых разлапистых кленов, и небо над ним играло золотыми и серебряными всполохами. Немного спустившись, крепкими, как у орла, крыльями Лев величаво обнял собратьев, и прочие облака поторопились прибиться к нему, точно робкие птенцы к сильной взрослой птице. Потрясенно я смотрел в небеса, радуясь, что такое благородное облако досталось моему сыну.

Сбрасывая с плеч чугунную тяжесть сострадания, Учитель Марк поставил на землю огненную чашу и звонко воскликнул:

– Счастья сыну твоему, Воин Вадим! Пусть у тебя будет еще много сыновей и дочерей, и каждого судьба одарит столь же прекрасным облаком! – Фиолетовый Филин, сорвавшись с вышины, юркнул к нему за пазуху, и Учитель по-детски рассмеялся.

Я широко шагнул к другу. Крепко обнял, не пряча мокрых глаз – и радостно вскрикнул, потому что в то же мгновение на меня навалились чуть ли не все жители Светлого города. Каждый торопился пожать руку, поздравить, встрепать волосы... Женщины, хохоча и расталкивая друг друга, норовили поцеловать в колючие щеки, передавали добрые пожелания Мее, обещали, что к утру принесут подарки и, как полагается, сложат их у крыльца.

«Подарки подарками, а вино вином!» – взревел кузнец Бартон, и парни дружно одобрительно загудели. Я счастливо рассмеялся, двинулся было за бочонками, за пирогами. Но резкий тонкий возглас Колдуна точно поставил подножку:

– Я не знаю, откуда взялся этот дьявольский Лев! Тут что-то не так, люди! Воин Вадим что-то скрывает от нас!

– Да успокойтесь вы уже, господин Колдун, сколько можно! – Марк был тогда молод и позволял себе дерзости. – Какие вам еще нужны доказательства? Все как на ладони! Вот новое облако – посмотрите, какое чудесное! Все-таки нет в мире счастливее дней, чем те, когда рождаются дети!.. Правда, к школе эти ангелочки подрастают и превращаются в чертенят, – не преминул добавить учитель.

– Но нам неизвестно, откуда взялось это облако! – не унимался Колдун.

– Как откуда? С Облачного пика, конечно! – беспечно (пожалуй, слишком беспечно для учителя) отозвался Марк и звонко воскликнул: – Новый человек явился в наш мир. Новое облако озарило его. Жизнь победила! Давайте веселиться!

Настырно схватив Марка за рукав, Колдун принялся что-то нашептывать ему на ухо, но учитель решительно расцепил его корявые пальцы. Колдун, как назойливый комар, не отступал, и тогда учитель поступил совсем уж по-мальчишески – жестом фокусника сунул в костлявую ладонь Колдуна пеструю хлопущую, которая в ту же секунду взорвалась тысячей блестящих цветных конфетти. Марк залиvisto рассмеялся, а вслед за ним захохотали и остальные. Колдун, разъяренно швырнув на подтаявший снег пустой картонный цилиндр, злобно сузил глазки-перчинки. Учителю он не сказал ни слова, будто и не обидела его эта озорная выходка, но мне прожужжал прямо в лицо:

– Радуюсь? Думаешь, обманул смерть? Нет! Ты нарушил закон. Это не принесет добра!

Уставший от тревог безумно долгого дня, я ласково погладил упавшего мне на плечо Серебристого медведя и миролюбиво произнес:

– Одного не понимаю, господин Колдун, чего ж вы так беды-то мне желаете? В ваши темные дела я не суюсь. В гости, как полагается, звал, соль вместо сахара в чай не сыпал. В предводители не лезу – воинскими заботами сыт по горло. В колдуны? Да зацепи змею за хвост! Ни за какие коврижки! А если вы страдаете по Мее, так это пустое.

– Что мне твоя Мея! – фыркнул Колдун. – Ты разбил равновесие! Тебе удалось заманить к мертвому младенцу живое облако, но счастья и покоя уже не будет.

– Что это вы каркаете! Вроде не птица, хотя балахон на вас черный, – прищурился я и увидел, что лицо Колдуна болезненно перекопилось. – Не мудрите, выпейте с нами вина. Песни ваши не пойте – больно уж они заунывные, лучше станцуйте, как сможете, для забавы. А мы похлопаем.

– Посмотрим еще, кто из нас попляшет и кто похлопает! – сцепил заскорузлые пальцы Колдун. – Наступит срок – через день, год или десятилетие – и облако, нарушившее закон, не явится к твоему сыну либо исчезнет, будто его и не было. Сын умрет в тот же час в страшных муках, и вот тогда тебе все равно придется искать факельщиков и могильщиков. Так зачем жить в страхе годами? Сделай это сейчас!

– Что? – удивился я. – Что я должен сделать?

– Вынеси ребенка. Я лишь взмахну платком – и... Он не будет страдать.

Наверно, я страшно побледнел – даже Колдун отшатнулся. Мне снова захотелось размозжить его острый, как клюв, нос, но рядом был учитель. Марк мягко отодвинул меня, шепнув: «Не связывайся». Тогда я, едва сдерживаясь, прорычал:

– Я уважаю закон. Я защищаю город, я бьюсь с нечистью во имя мира и правды. Но нет такого закона, который призывает отца расправиться с сыном! А младенцев берегут все писанные и неписанные правила. Так что ступайте в свою черную хибару, господин Колдун, варите зелья, зазывайте летучих мышей и болтайте со змеями, чародействуйте – но забудьте путь в мой дом! Навсегда забудьте! И чтобы ноги вашей поганой тут не было!

– Уйти-то я-то уйду, да только ты пожалеешь, глупый Вадим! Да и ты, Марк, тоже! – Он резко обернулся к Учителю: – Не знаю, как горожане доверяют детей этакому нахальному самозванцу! Я похлопочу о том, чтобы закрыть школу, где подвизался учителем этакий проходимец!

– Лучше бы вы вместе с нами подумали, как пристроить к школе мастерскую, – хладнокровно заметил Марк. – Детей у вас нет, но вы ведь тоже, как никак, горожанин.

Отвернувшись от Колдуна, Марк весело толкнул меня в бок:

– А пироги-то, наверно, совсем остыли, а, Вадим?

Глава 6

Отец не умел выражать мысли пышными фразами, он говорил коротко, резко, будто размашисто рубил дрова. Но его рассказ я услышал именно так.

Тихо потрескивал огонь в печи, поглаживал отца по щетинистой щеке невесомый Серебристый медведь. А сердце мое превратилось в хрупкую сосульку – казалось, еще миг, еще одно отцовское слово, и оно расколется, разлетится колючей ледяной пылью.

– Не верю, что я умер после рождения, – наконец проговорил я. – Ты, отец, не доктор – как мог понять, мертвый ребенок на руках или живой? Да еще сильно переживал, вот тебе и показалось. Что тут думать?

– Думать нечего. Спать пора.

– И все-таки я не верю!

– И хорошо. Это к лучшему, – вздохнул отец. – Может, я все напутал. Лет-то, зацепи змею за хвост, сколько прошло. Да, сын. Наверно, напутал.

Он не думал горячиться и спорить, и я понимал, что все сказанное – правда. Но все-таки угрюмо поинтересовался:

– А где сейчас эта... как ее... Кларисса? Можно мне с ней поговорить?

Отец развел руками:

– Не выйдет. Повитуха вскорости из Светлого города уехала – в Синегорье перебралась. А недавно слух прошел, что померла она, да как-то нехорошо. То ли в реке утопла, то ли еще что с ней приключилось. Не знаю толком. Да и какое мне дело.

Неожиданная мысль, точно длинная ржавая игла, ткнулась в сердце, прошла меня насквозь, и я, встревоженно схватив отца за рукав, нелепо пробормотал:

– Так что же... Если пророчество Колдуна сбылось и Лев не прилетел, значит, я того... тоже помер, что ли?

Отец сердито покачал головой:

– Что ты несешь! Ну-ка ущипни себя. Нос на месте? На месте. Теперь за ухо дерни. Да по сильнее! Больно? Вот и порядок. Значит, живой, а ведь сколько уже часов прошло! Наврал Колдун. Даже не думай – наврал. А Лев твой заплутал где-то, чего в жизни не бывает. Может, к утру и найдется. Давай-ка спать. Мишка согреет дом, если дрова догорят.

Серебристый медведь сонно посопел, поворочался на отцовских коленях, тихо дохнул ароматным банным теплом, свежими лесными травами.

– Мишка! – в отчаянии я обернулся к нему. – Ну ты же все понимаешь! Ты же как человек! Где мой Крылатый Лев? Где он? Объясни хоть знаками! Покажи!

Медведь глянул на меня виновато, скатился колобком с отцовских коленей, спрятался, как перепуганный малыш, за его широкой спиной. Подумал – и съежился, превратившись в крошечного, будто мармеладного, медвежонка. Всем видом он показывал: «Какой с меня спрос? Я ведь сам горюю...»

– Не пытай ты Мишку, – попросил отец. – Не может он ничего рассказать. Дождемся рассвета, а там видно будет.

Я не стал спорить. Изматывающая тревога трепыхалась в груди бесцветной прожорливой молью, изъедала сердце. Чтобы прогнать злобного мотылька, я прошелся по комнате, погасил свечи и лампы, еще раз с пустой надеждой посмотрел в плотную темень за окном и, в чем был, нырнул в постель.

Отец, скинув с плеч мохнатую домашнюю накидку, тоже лег – протяжно заскрипели пружины старой кровати. Несколько минут темную и густую, как кисель, тишину разбавляло лишь привычное громыхание львиных ходиков. Но вскоре отец, повздыхав и поворочавшись, поднялся.

– Что ты?

– Перебрал кофе, не усну, – будто оправдываясь, отозвался он. – Впустую валяться – только голова заболит. Пойду тапки шить. Продадим их – сахаром запасемся, карамели у Реуса купим, а может, и шоколада. А ты спи, сынок, ни о чем не думай.

Тапки у отца получались отменные. Он мастерил их из разноцветного войлока, расшивал лентами и бусинами, украшал замысловатыми узорами – народ раскупал мигом. Но никогда, никогда отец не шил ночами! Он не раз повторял: «В потемках только недотепы работают», и ворчал, если я, прогуляв весь день с ребятами, засиживался за книгами допоздна.

Днем он ни минуты не сидел сложа руки, но, едва спускались сумерки, оставлял все дела. Укладывался отец рано, и кофе не мешало ему спать богатырским сном. Выпив на ночь пол-литра обжигающей черноты, он заваливался на набитый соломой матрас, накрывался овчиной и закрывал глаза – а спал он бесшумно, как привык когда-то в дальних опасных походах.

А сегодня – вот оно как: «Кофе перебрал...»

«За меня боится, – понял я. – Вдруг от досады глупостей натворю? Слова Колдуна вспоминает: „Не прилетит Крылатый Лев – и сын погибнет“. А если... если так и случится?!»

Ледяной иней облепил меня целиком. Колючий страх, сотканный из миллиона мислей-снежинок, приклеился к гортани, к животу, к сердцу, осел в груди увесистой и липкой студеной глыбой.

Но я разозлился на себя – и страх неохотно начал таять. Если и надо за кого тревожиться, то за отца! Изводится, сердце не бережет, а оно у него и так потрепанное – что ни битва, то зарубка. С виду-то Воин Вадим еще крепкий, как кряжистое дерево. Высокий, когда не сутулится. Но я-то знаю, что изредка он украдкой заваривает в кружке-великанше не кофе, а щепотки целебных трав – и давние раны мучают, и сердце беспокоит.

Устроив на плече Серебристого медведя, отец не спеша побрел в кухню. Чиркнула спичка, и в комнату вновь пробрался горький кофейный дух. Закрыв глаза, я мысленно обратился к родному облаку: «Лев мой солнечный, где ты? Давай так: я проснусь – а ты рядом!» Я даже улыбнулся, представив, как могучий Крылатый Лев ластится ко мне, нежится, обнимает, щекочет лицо пышной золотой гривой.

Согреваясь доброй надеждой, я не заметил, как заснул. Мне снился прекрасный золотой Лев – озаренный искристым сиянием, он парил над вечерним городом, над домами с высокими черепичными крышами, над Овальной площадью и старым парком, мерно взмахивая красивыми точеными крыльями. И там, где он пролетал, вспыхивали разноцветные звезды.

Во сне я был безбрежно счастлив, а утром, вскочив, вскрикнул от горького разочарования. Льва возле меня не было.

Я кинулся к окну – и ничего не увидел. Улицу спрятал густой, слоистый, как простокваша, туман. На топчане выстроились в ряд три пары тапочек из войлока – новенькие, нарядные, с бусинами, стеклярусом и тесьмой. Из кухни доносилось постукивание молоточка – отец снова что-то мастерил. Неужели так и не ложился?

Сумрачно глянув на помятые за ночь штаны, я шагнул к умывальнику, плеснул в лицо пригоршню прохладной воды. Потом еще и еще – чтобы смыть боль, тревогу, недоумение и обиду. Подошел отец – я молча кивнул и принялся так истово начищать порошок зубы, будто собрался весь день сверкать ясной беззаботной улыбкой.

– Утро доброе, – отец положил руку на плечо.

– Доброе? Не уверен, – отозвался я, выплюнув кислую воду.

– Да, доброе. Доброе, зацепи змею за хвост! – вдруг рявкнул отец, да так, что Серебристый медведь, стоявший за ним, как тень, юркнул за занавеску. – Ты жив, я тоже жив! Что тебе еще надо?

– Да нет, ничего. Все у меня есть, все нормально, – ровно сказал я, провожая взглядом не в меру впечатлительного Мишку. Аккуратно поставил на полочку желтую жестянку с зубным порошком, сунул щетку в кружку, будто ничего не случилось.

– Ну да, не прилетел твой Лёвушка, – уже мягче сказал отец. – Ничего, раз ты жив – прилетит. Мало ли где он задержался.

Глядя в круглое, чуть помутневшее от времени зеркало, я ожесточенно вытирал мокрое лицо. Нос уже покраснел, как садовый редис, а я все прикладывал и прикладывал к нему жесткое, будто картонное, полотенце. Отец раздраженно выхватил его из рук: «Да хватит уже!», бросил в сторону. И я заметил, что выглядит он неважно – ввалившиеся щеки еще гуще облепила черная, с седыми проблесками, щетина, под глазами проявились сизые тени, кривая морщина рваным рвом разделила мохнатые серые брови. Отцовский подбородок заострился, как отточенный карандаш, и я впервые с тревогой понял, как постарел непобедимый Воин Вадим. Нет, не боец стоял передо мною, не железный предводитель, а утомленный горожанин, почти старик, высокий, сутулый, грузный. Пожилой человек, измотанный давними ранами, недугами, неутолимой печалью о жене и вечным страхом за сына.

Будто услышав мои мысли, отец встрепенулся, выпрямился.

– Ничего, – хрипло сказал он. – Всякое видали. Справимся.

– Справимся, – эхом повторил я. И добавил: – Душно мне дома. Я пройдуся.

В зеленых отцовских глазах мелькнуло беспокойство – не забывая о скорбном пророчестве Колдуна, он не хотел отпускать меня на улицу, где стоял непроглядный туман. Кашлянув, отец произнес:

– А завтрак? Я сварил пшенку. Поел бы, пока горячая.

– Пока не хочется.

Любая мысль о еде, даже о стакане чая, вызывала липкую тошноту. Тревога – отвратительная приправа для любого блюда, а я ни на секунду не переставал волноваться о Крылатом Льве.

– Что ж, иди, – подумав, обронил отец. – Придешь – будем пилить дрова. Зима на носу. И это... Делом надо заниматься. Оно спасает.

* * *

Я шагнул с высокого крыльца прямо в густой туман, прошел через двор и, отворив калитку, понял, что мир изменился. Ночью кто-то снял с деревьев фонари и бумажные гирлянды – их вывешивают, когда появляются облака, и не убирают целый месяц. Белые домики с острыми блестящими крышами, еще вчера расцвеченные пестрыми флагами и яркими цветами из фольги, напоминали ныне замерзших нахохленных голубей.

Когда туман стал редеть, я с изумлением приметил, что двери домов заперты, ставни задвинуты, на хлипких калитках – небывалое дело! – уныло повисли железные замки. Мне показалось, что даже флюгеры – веселые медные петухи – поникли и опустили востренькие клювы. Нехорошая траурная тишина царила в городе. А ведь второй день прибытия небесных друзей – это пыл праздника!

Пока я шагал к главной площади, именуемой Овальной поляной, – уж там-то наверняка встречу знакомых! – не верил глазам, изумляясь безлюдности родных улиц. Но и на поляне было пусто – будто великан-недотепа гигантским платком смахнул с нее веселых горожан, торговцев и музыкантов. Тишину разбивало унылое монотонное шорканье – мой школьный приятель, упитанный, как пончик, гном Дарлик, ожесточенно махал длинной, выше него, метлой. Сердито бубня под нос скороговорки, он сгребал в кучу хрустящие фантики и запутанные пестрые ленты серпантина, а из его кармана опасно выглядывал лопухий облачный кро-

лик. Дарлик был из наших, из местных гномов, его родители и многочисленные родственники испокон веков жили в Светлом городе – и к ним тоже исправно прилетали живые облака.

– Дарлик! – кинулся я к нему. – Что же такое творится?

Увидев меня, гном охнул, вздрогнул – даже метлу уронил! – выхватил облачного кролика из кармана и поспешно спрятал под красно-белый колпак, будто испугался, что я отниму его и унесу к себе в дом.

– Гном от дела не бежит, убираться гном спешит. Как метелка подметет, гном монетку заберет, – картаво протараторил Дарлик. Когда местные гномы волновались, слова сами собой склеивались в рифму. – А твоя тут личина – по каким же причинам?

– Сам ты личина... – обиделся я, сделал вид, что не замечаю глупого гномьего испуга. – Гуляю я. Знакомых ищу.

Бледный, как недопеченная булка, Дарлик глупо раскрыл рот.

– Ох! Знакомых ищет! – вскрикнул он, и его глаза-бусины переполнились ужасом.

– Вот тебя нашел, – невозмутимо сказал я.

– Ты ко мне, прошу, не лезь. Все же город, а не лес... – дрожащим голосом пробормотал Дарлик и, натянув на уши полосатый колпак с помпончиком, мигом растворился в сыром осеннем воздухе. Только метла осталась валяться на мостовой.

Глупые гномьи штучки! А я еще считал его приятелем. Математику списывать давал.

В горьком недоумении я прошелся по площади. Вчера ее украшали конфетные палатки, яркие пряничные домики, а сегодня вместо них уныло торчали металлические остовы. Никто не катался на скрипучей карусели, не устраивал веселую кучу-малу на расписных деревянных горках. Не слышно было ни оркестра, ни залиvistых свирелей – только злобный ветер свистел в ушах, пробирался под капюшон, и я пожалел, что забыл дома шляпу.

Погруженный в невеселые мысли, я добрал до Осинового переулка, свернул к остроко-нечной ратуше – и ошеломленно остановился. С ратуши, самого высокого в Светлом городе здания, варварски сдирали портрет Воина Вадима. Несколько гномов, повиснув в строительных люльках, облепили кирпичную стену и, вооружившись кривыми, бандитскими какими-то ножами, вспарывали плотный тканевый плакат. Лицо портретного рыцаря исказилось, скривилось, будто в острой печали, но он по-прежнему крепко держал меч.

Командовал этим действием градоначальник эм Бобрикус. Низенький, толстый, взбудораженный, он, задрвав голову, визгливо покрикивал на нерасторопных гномов: «Живей, живей! Не жалеите! Рвите, режьте! Дело высокой важности!» Меня он не заметил, поэтому, когда я шагнул к нему и поздоровался, подпрыгнул, как резиновый мячик.

– Что это вы делаете? – стараясь оставаться сдержанным, поинтересовался я.

Эм Бобрикус взглянул на меня, как на выплывшего из небытия призрака, но, покашляв, справился с собой и принял привычную надменную позу: живот вперед, подбородок вверх, руки скрещены на пухлой груди.

– Молодой человек, вы с главой города разговариваете! – высокомерно пропищал он. – Прошу почитать чин и не мешать делу высокой важности! Если желаете обратиться, запишитесь у Лауры. Я вас приму. Если посчитаю нужным. Возможно, в четверг. Если не будет дел. Высокой важности! – припечатал он и закричал на гномов: – Действуем без пауз! Без пауз! – И снова обернулся ко мне: – Не стойте, юноша, рядом со мной, не стойте! Идите, куда шли. А с обращениями – в четверг!

– После дождичка в четверг... – угрюмо буркнул я. Еще вчера я не решился бы даже приблизиться к городскому главе – хоть городок наш мал и все знают друг друга, но эм Бобрикус считается крупным чином.

– Ступайте, ступайте! – Он махнул в мою сторону чистеньким носовым платочком. Почему-то именно этот жест придал мне решимости.

– На плакате – мой отец. Я имею право знать, почему вы его изрезали!

– Не отец – а образ! Порезали не его, а картинку! Так решил совещательный орган! Важный орган! – выпалил градоначальник и, опасливо оглянувшись, сделал пару шажков в сторону ратуши.

Я с изумлением понял – эм Бобрикус меня боится! Поверить в то, что многоопытный градоначальник трясется при виде печального, тощего, измученного тревогами пацана, было невозможно. Но я уже не сомневался: эм Бобрикус с радостью отошел бы от меня подальше, а лучше того – подхватил длинные фалды черного сюртука и помчался переулками – да так, чтобы искры от ботинок отскакивали!

Но он не мог придумать, как, позорно улепетывая, сохранить достойный вид, и оттого мучился. Его щеки побагровели, на лбу проявились крупные капли, но он из последних сил пыжился, изображая respectable господина. Чем, интересно, я так его напугал? Секунду помедлив, я спросил об этом вслух.

– Вы забываетесь, молодой человек! Я первый начальник! Я ничего не боюсь! – отступив еще на пару шажков, заявил эм Бобрикус. Он снова вскинул кругленький подбородок – сначала один, потом второй и третий, но все равно выглядел не представительным чиновником, а жалким пузатым птенцом.

Беспомощно оглянувшись, он с ужасом понял, что гномов в строительной люльке нет, – исчезли, негодяи! Дрожащей рукой градоначальник выудил из-за пазухи облако – пухлого синего Пингвина, поспешно прислонил его к вспотевшему лицу, как салфетку. Пингвин не обиделся такому обращению – видно, для него это было обычным делом. Юркнув на мостовую, Пингвин вырос в человеческий рост, и эм Бобрикус, плюнув на respectable и чин, торопливо спрятался под его нелепыми крошечными крылышками.

Наверно, градоначальник – птица высокого полета! – хотел, чтобы ему досталось другое облако – могучий орлан, например, или отважный беркут. Но мы не выбираем облако, что прилетит к нам в момент рождения, ибо судьбу свою тоже не выбирают.

– А про плакат ночью совещательный орган решил! – выкрикнул градоначальник, высунув нос из-под пингвиньего крыла. – И про все остальное!

Мне даже жалко стало эм Бобрикуса – человек пожилой, полный, нервный. Того и гляди удар хватит. Но я посмотрел, как беспомощно колышется на ветру истерзанный отцовский портрет – варварские прорези на нарисованном лице походили на рваные раны – и с горечью произнес:

– Не знаю, что там решил ваш орган... и какой именно орган. Но Воин Вадим не заслужил, чтобы с ним так обращались.

– Воин Вадим всегда был против этой бессмысленной картинке! – выдохнул эм Бобрикус, вжавшись в облако. Пухлый Пингвин еще немного подрос; обнимая своего человека, он нависал над ним синей колышущейся глыбой и смотрел на меня с печалью и укоризной. – Воин Вадим требует не возвеличивать его! Мы пошли навстречу! – Эм Бобрикус, ступая в ногу с Пингвином, сделал еще несколько шагов – только не навстречу, конечно же, а назад.

– Ну ладно, не возвеличивайте. Но зачем полотно-то рвать? Красивая же работа. Нам бы отдали. Или художнику.

– Не положено! Надо уничтожить! Так решил совещательный орган!

– Да какой орган, в конце концов?! – не выдержал я.

– Самый важный! Я и Колдун! – выпалил эм Бобрикус и, видно, догадавшись, что ляпнул лишнего, зажал рот розовыми, до нелепости крохотными ладошками. Он мотнул головой, с лысины слетела шляпа, а с нею – ошметки былой солидности.

Проглотив горький комок, я махнул рукой и, в последний раз глянув на то, что осталось от величественной картины, побрел куда глаза глядят.

Но далеко не ушел – через два поворота наткнулся на Грона с ватагой парней в черных накидках. Это были хамоватые типы, всегда готовые затеять бурную свару или жестокую драку, и я понял, что мои неприятности только начинаются.

Глава 7

Их было пятеро – я один. Пожалуй, можно было скользнуть в ближайшую арку и, перепрыгнув через низкий забор, дворами проскочить к своему дому. Бегал я отлично – лучше многих ровесников, и еще вчера, наверное, не раздумывая, удрал бы. Какой в этом позор? Ведь у этих типчиков нет ни одной доброй мысли! Но сегодня я был так опустошен и раздавлен, что меня уже ничего не пугало.

Эти парни не учились и не работали, только охотились с арбалетами на уток в ближайших болотах. Любителей пострелять, поразмяться в кулачных боях и побездельничать Учитель презрительно называл лоботрясами, так их стали именовать и другие. Правда, за глаза – лоботрясов в городе опасались. Я удивился, что с ними шагает Грон, – мне казалось, что он никогда не стремился в эту компанию.

– Вот это встреча! – загорланил, тыкая в мою сторону толстым пальцем, старший из лоботрясов – крупный, как носорог, Грюзон. – Это же он! Это он!

– Он-он! Лион! – подтвердил невесть откуда взявшийся гном Дарлик. Он выскочил передо мной, как чертик на пружинке, грозно показал серенький кулачок и поспешно втесался в гурьбу.

– Да какой он Лион! – выкрикнул Грюзон. – Был Лион, стал мертвяк. Нет облака – не жилец. Вали в преисподнюю, сволочное привидение!

– Сам ты приведение, – хмуро сказал я. – Дай пройти.

Но лоботрясы не расступились – выстроились кольцом. Они глядели на меня во все глаза, точно видели впервые, но, когда и я смотрел на них, почему-то отворачивались.

– Зрачки у него кошкины... – злобно буркнул Грюзон. – Ничего, мы тебе, мертвяк, зенки-то выцарапаем!

– Да ладно тебе, Грюзон! – плотно сбитый Банни, подкинув на плечо облачную Лягушку, решил быть справедливым. – Такой большой, а в сказки веришь. Я смотрю, он обычный пацан.

Все-таки неплохой он парень, этот Банни.

– А ты у Колдуна спроси-ка, сказки или нет, – Грюзон пытался сверлить меня носорожьими глазками, но отводил взгляд. – Ты что, ночью на Овальную поляну не ходил?

– Больной я ночами шастать? Спал я.

– А нечего дрыхнуть, идиот, когда такие дела! Колдун на площади всем сказал: раз к парню облако не прилетело, значит, он – бродячий покойник! С виду живой, а внутри – пыль, земля да труха. Жмурик он, ясно тебе?

– Мертвяк, как есть мертвяк! – поддержал Грюзона глупый Дарлик. От волнения он даже колпак с головы стащил. – Ходит, как мы, смотрит, как мы, поет, как мы, плюет, как мы, а все ж не живой! Колдун-то зна-ает!

– Да ты, Дарлик, совсем дурак, оказывается, – с горечью констатировал я, а сердце уже заливала соленая вода безграничного ужаса.

Пазлы сложились, картонки склеились, детали головоломки выстроились в единую картину. Жуткими оказались ее краски и контуры. Я и прежде в глубине души опасался, что мертвецкая тишина в городе как-то связана с тем, что ко мне не прилетело живое облако. Но отгонял от себя эти думы – не страдай, мол, манией величия! Чтобы из-за тебя, недотепы, главный праздник свернули?! А оказывается – да, из-за меня. Так вот почему горожане повесили замки на ворота! Вот почему дрожал жалкий Бобрикус! В городе объявился ходячий мертвец, незахороненный труп, мерзкий призрак! И этот герой ночных кошмаров – я. Неплохой повод, чтобы свихнуться.

Чудовищное понимание обрушилось на меня гигантской штормовой волной. Я едва не захлебнулся в ней, но справился, не потонул и не лишился рассудка. Не упал, не задрожал, даже не вскрикнул. Может быть, я действительно бесчувственное привидение?

Вперед шагнул Грон – тот, которого я еще вчера называл товарищем, приглашал в дом и угощал пирогами. С усилием посмотрев мне в глаза, он прошипел:

– Ну что, как живется покойнику среди людей? Что уставился? Пошел прочь из города! Твое место на кладбище! Ты знаешь кто? Ты... зомби! Настоящий зомби!

Грон умный, начитанный, ему и иноземные словечки знакомы. А вот лоботрясы о зомби наверняка и слыхом не слыхивали, но все же одобрительно загоготали, затопали, заулюлюкали. Стараясь не обращать внимания на их крики и свисты, я кинул Грону в лицо:

– Заткнись, гад, или сам окажешься на погосте! Иди к черту!

– Нет уж, черт – твой братец, ты к нему и ступай! – вскинулся Грон. – Нечего тебе делать среди живых! И к Пионе не приближайся. Беги отсюда!

– Ты сейчас сам побежишь, скотина, – не слишком уверенно сказал я. Силы были неравные – будешь наскакивать, могут и арбалеты достать, а у меня нет оружия. Пристрелят – и ничего им за это не будет. Колдун объявит, что меня настигло справедливое возмездие (нечего мерзкой нечисти шастать среди нормальных людей!), а эм Бобрикус с облегчением сожжет карточку горожанина, выписанную на мое имя.

Снова мелькнула трусливая мыслишка: «А не смыться ли?» Но, во-первых, не выйдет – я окружен, а во-вторых – мерзко это! Зомби я или нет, а все-таки сын Воина Вадима.

Но почему же они не нападают?

И тут я понял – эти вооруженные парни, как и толстяк Бобрикус, скованы страхом, точно тяжелыми ржавыми кандалами. Ведь я больше не школьник Лион, не тощий лохматый Лёвка – я воплощение глубинного, вечного, ледяного ужаса. Что им стоит надавать мне таких тумачков, чтобы я с земли не поднялся? Да им бы арбалеты расчехлять не пришлось! Но небрежно отворачивался, глаза на пустынную улицу, щекастый и пузатый Банни, беспомощно сжимал кулаки Грон, с любопытством разглядывали серую, не просохшую от дождей мостовую долговязые Пилли и Мелтиг. Даже мощный Грюзон, хоть и старался выглядеть неуязвимым, смотрел на меня с последним отчаянием смертника – и не выдерживал, прятал глаза.

У Грона сдали нервы – он кинулся на меня внезапно, как степная рысь, – видно, не давала ему покоя мысль, что не его, а меня выбрала Пиона! Он целился в бровь, чтобы рассечь ее до крови, но я успел увернуться и толкнуть его в плечо.

Клянусь, я лишь слегка его двинул! Но тот взвыл, будто я бросил в него пылающий факел, и резво отпрыгнул в сторону.

– Ты не касайся его плеч, не трогай и лица! Лион любого превратит в бродягу-мертвеца! – ахнув, пробормотал скороговоркой глупый-глупый Дарлик.

Грон, поскуливая, как перепуганный щенок, посмотрел на меня с ужасом – и побежал: наверно, решил, что помрет к вечеру, раз к нему прикоснулся жуткий, безжалостный вурдалак. За ним, немного помедлив, потрусили все лоботрясы: Банни, Пилли, Мелтиг. Даже Грюзон, смачно плюнув, отступил.

– Что, думаешь, победил нас, вонючий мертвяк? – выкрикнул он, отойдя подальше. – Да я просто не допущу, чтобы меня касались твои грязные лапы! С чего ради я должен сдохнуть от трупного яда? Так что сегодня же вали из города! Убирайся на кладбище, в лес, в болота, к черту на рога! Чтобы следа не осталось! А если не уйдешь, мы... пристрелим твоего отца!

– И сожжем дом! – злобно зыркнул Пилли.

– И вытопчем огород! – подхватил Мелтиг.

– Пнем по калитке и плюнем на забор! – грозно напыжившись, вякнул дурак Дарлик.

Щекастый Банни промолчал. Промолчал, но не вступился. А я еще считал его неплохим человеком.

– Смотри, мы не шутим! – крикнул Грюзон и махнул своей банде, замершей неподалеку, – пошли, мол. Приспешники, сутулясь, поплелись за ним, кидая на меня злобные и трусливые взгляды. Грон был уже далеко. Я с ужасом понял: эти негодяи сдержат слово, а кое-кто из горожан их за это даже поблагодарит. Не будет призрака – не будет проблемы.

Сердце прыгало, мысли путались, и я, сделав несколько шагов, понял, что не могу идти дальше. Медленно опустившись на бордюр, я вытянул ноги, с последней печальной надеждой глянул в серое, затянутое застывшими тучами небо.

А вдруг Крылатый Лев, заблудившийся в неведомых далях, уже спешит ко мне? Он прилетит, большой и прекрасный, проткнет острыми золотыми лучами, как стрелами, пелену туч. Обнимет мощными крыльями, ткнется в лицо теплым влажным носом, будто извиняясь, и я снова стану прежним Лионом. Я заберусь на волшебного Льва, и он пройдет по мостовой, гордо ступая воздушными, но крепкими лапами, а потом невысоко взлетит, и люди, улыбаясь, доброжелательно помашут нам шляпами.

И все будет хорошо: горожане придут к воротам с горячими пирогами и не менее горячими извинениями, эм Бобрикус вновь распорядится украсить ратушу отцовским портретом (Порвали? Ничего! Нарисуют лучше прежнего!) и пошлет лоботрясов... в дальние приграничные болота. Они позлятся да и отправятся туда, прихватив арбалеты и предателя Грона – вот там им самое место.

А я... признаюсь Учителю эм Марку, что все эти годы решал за Дарлика задачки по математике. Пусть этот тупой гном попытается, выполняя сложные упражнения. На забор он собрался плюнуть, идиот.

Кто-то тихо сел рядом со мной, и я, вздрогнув, обернулся. Отец? Нет, это был Пряник – синеглазый, печальный и непривычно сосредоточенный. Его облако, простой белый шарик-снежок с такими же, как у Пряника, синими глазами, клубком устроилось на круглых коленях.

– Ну, как ты? – серьезно спросил Пряник.

– Лучше не бывает, – отозвался я. – А ты что тут делаешь? Я же живой труп. Не вооружен, но очень опасен. От меня надо бежать подальше.

– Я не верю в это. Ты не думай, многие не верят, Лион.

– Ага. Чего же улицы тогда пустые?

– Вчера ночью Колдун приказал никому не высовываться. И Бобрикус его поддержал. Люди привыкли соблюдать правила.

– А что еще говорил Колдун? – любопытствовал я.

Пряник замялся, нахмурился, запахнул плотнее серый байковый кафтан, прячась от осеннего ветра. Я не к месту подумал, что никогда не видел приятеля в простецком кафтане. Мать одевала его, как наследного принца: заказывала у портних модные, с золотыми позументами, жилеты и черные сюртуки, крахмалила белые и алые рубашки, заставляла наглаживать штаны и прилизывать воском волосы. Мы подтрунивали над его безупречной аккуратностью, а он и не думал обижаться. Пряник тоже был единственным сыном, отрадой для матери, а для отца, богатея Реуса, еще и наследником его торговой империи.

Когда я смахнул с глаз противную мокрую пелену, с удивлением увидел иного Пряника. Куда только делся жизнерадостный и приглаженный красавчик-кругляш! Теперь это был другой парень: вихрастый, напряженный, сумрачный. Он явно ускользнул из дома, в чем был (в окно, видно, сиганул), и наверняка долго искал меня, бегая по сырým туманным улицам.

– Колдун сказал, что тебя надо гнать из города, – наконец решился Пряник. Вздохнул, повертел в ладонях облако-шарик, будто теплой муфтой согревая замерзшие пальцы.

– И народ согласился?

– Нет! Но мнения у людей разные были... – уклончиво ответил Пряник. – Конечно, люди привыкли слушать Колдуна, он же живет кто знает сколько... Но твоего отца, Лион, тоже все

очень уважают. Поэтому... ну просто решили посидеть по домам денек-другой. На всякий случай. Все-таки Колдуна многие боятся.

– Пряник... Давай уж совсем честно. Не Колдуна они теперь боятся, а меня. А ты? Ты почему не испугался?

– А я всегда за справедливость. Я же вижу: ты такой же, как был. Только...

– Только – что? – я насторожился.

– Только грустный очень.

– Загрустишь тут, пожалуй, – вздохнул я. – Спасибо тебе за поддержку! – Я протянул Прянику руку и тут же испугался – вдруг он побрезгует прикоснуться к ладони опасного мертвеца, гнусного привидения? Но Пряник расцвел, превращаясь в прежнего простоватого добряка, и торопливо сжал мои пальцы.

– Пряник, тебя же, наверно, родители ищут. Сказано было – никому из дома не уходить. А ты ушел.

– Да нет, все нормально... Слушай, Лион! Я поговорю с родителями, они многое могут. У отца, ты знаешь, есть драконы. Если тебе в городе будет совсем плохо, он сможет отвезти тебя вместе с Воином Вадимом за Синие скалы. Я бывал там, когда летал с отцом за товаром. Там, в Синегорье, не так, как у нас, конечно. Но тоже нормально.

Я вспомнил родителей Пряника – плотно сбитого, черноусого, мрачноватого торговца эм Реуса. И эм Линду – высокую сухопарую женщину с поджатыми губами («Никому не позволю стащить конфетку!»).

Эх, Пряник, добрая душа! Не станут они помогать мне. Незачем им, людям уважаемым, состоятельным и солидным, ввязываться в некрасивую историю, идти против важных персон – Колдуна, Бобрикуса... Нет, не будут они рисковать торговлей, а уж тем более жизнью.

Видно, невеселые мысли отразились в моих глазах, поэтому Пряник сказал поспешно и даже обиженно:

– Ты так о моих не думай. Ты их не знаешь.

– Спасибо тебе, Пряник, – искренне сказал я. – Но незачем нам бежать, будто мы грабители или убийцы какие-то. Мы ведь ни в чем не виноваты.

– Тоже верно... – по-взрослому согласился Пряник. – Может, все и наладится. И Крылатый Лев прилетит.

Чтобы не огорчать Пряника, я кивнул – и увидел, как из-за поворота выскочила, застегивая на ходу пуговицы долгополого плаща, длинная и тонкая, как школьная линейка, эм Линда. Она бежала, раскинув руки, и ее черный платок развевался на ветру, как пиратский флаг.

– Вон мать твоя, – кивнул я. – Устроит тебе сейчас.

Пряник спокойно встал.

– Ладно, пойду. Увидимся, – и пошел навстречу матери.

Я видел, как разгорячена эм Линда, и с червячком беспокойства полагал, что она подлетит ко мне и в пылу наговорит гадостей («Призрак! Мертвяк! Вон!»). Но она и не посмотрела в мою сторону. Схватив сына за локоть, она что-то принялась говорить ему – тихо и, похоже, не слишком сердито. Достав из круглой торбы накидку, она бросила ее Прянику на плечи, и он, не возражая, подвязал ее широкой тесьмой. А потом обернулся – и, подмигнув, помахал мне. Я махнул в ответ и отправился домой.

К тяжелым мыслям об исчезнувшем Крылатом Льве добавились другие переживания: я пытался придумать, как защитить отца и уберечь родной дом от лоботрясов. Эти подонки на все способны! Но моим думам никак не удавалось выстроиться в связную цепочку. Они валились в одну кучу, как бурные осенние листья, прилипали друг к другу, образуя один вопрос: «Почему я?!»

В Светлом городе живет тысяча человек, полтысячи местных гномов – и никто, никто не обделен облаком! И только я – прокаженный, я – виноватый, я – опасность для всех.

Да что за чушь?! Чем может быть опасен для горожан тощий, измученный, раздавленный бедой пятнадцатилетний парень?

Физически ощущая, как костенеет сердце, я с горечью рассуждал, что и впрямь превращаюсь в ходячего мертвеца, даже мысли стали какие-то неживые. Облако не прилетело, в городе я – изгой, так стоит ли коптить небо, как говорят старики?

Если меня не станет, лоботрясы и те, кто их поддерживает, отступятся от отца. Он, конечно, погорюет... сильно погорюет! Но зато будет жить дальше. А мне-то зачем жить? Зачем бродить по этой земле, зная, что никогда ко мне уже не прилетит облачный Лев?

Лучше забраться на Белую скалу, в последний раз глянуть на затянутое мертвыми тучами небо, закрыть глаза и... Я на секунду опустил ресницы, представляя, как это может произойти, – и отчетливо, до боли в груди, понял, что не хочу этого!

Нет, надо жить, жить, жить!

А когда открыл глаза, вздрогнул – передо мной возвышался Колдун. Худосочный, с костлявой шеей, торчащей из-под сложного многослойного одеяния (балахон, накидка, мантия, пелерина), он привычным жестом заломил неизменный кроваво-красный берет и, не мигая, окидывал меня колючим черным взглядом.

Я же не нашел ничего лучшего, чем подавленно проговорить:

– Здрасьте.

Глава 8

Колдун, презрительно поведя крупным острым носом, завел кислым голосом тягучую, унылую волюнку:

– Разве так должны приветствовать отроки того, кто ведаёт, как устроен мир? Разве не обязаны они склонять головы, завидев мудрейшего?

«Мудрейшего, скромнейшего...» – проворчал про себя я. В пояс кланяться не стал, но все же кивнул, и довольно почтительно. В городе мало кто решался спорить с Колдуном – разве что Учитель иногда возражал ему, да и то осторожно. А отец вовсе с ним не разговаривал.

Колдун жил в городе дольше всех, никто не знал, сколько ему лет и когда родился, – поговаривали, что он заколдовал саму старость. Вечный отшельник, одинокий, мрачный, бездетный, он никого не впускал в свой серый каменный дом на окраине, похожий на бесформенный мешок – и никого не впускал в душу. Да разве туда кто-то рвался? Немало градоначальников сменилось на его веку, и все Колдуна опасались. Эм Бобрикус – тот и вовсе не скрывал почтительного трепета, говорил о нем с придыханием и в глаза называл не Колдуном, а «господином первым советником».

Мальчишки поговаривали, что Колдун любого может превратить в муравья или жуелицу и в тот же миг растоптать тяжелым сапогом. Над байками про насекомых я посмеивался – отец не раз сердито повторял, что это дичь, болтовня и выдумки. Но в том, что Колдун умеет внушать и гипнотизировать, сомневаться не приходилось. Ухитрился же долговязый мухомор убедить весь город, что я, обычный пацан, несу опасность, мрак и смерть! И ведь почти все поверили! Умные такие...

Колдун придвинулся – я ощутил смрадный запах, бесцеремонно взял меня за подбородок – кожу тронул липкий лед. Я брезгливо дернулся, но взгляда не отвел. Это не понравилось Колдуну – он скривился, точно лизнул горчицы, и перестал смотреть мне в глаза.

– Не рады, что живой? – не удержался я от ехидства.

– Дерзишь Колдуну? – хмыкнул тот. – Не боишься, глупый отрок? – отлепив влажную ладонь от моего подбородка, он смыкал и размыкал костлявые, синеватые, униженные массивными перстнями пальцы.

– Чего бояться? Интересную новость, что я умер, мне уже сообщили. А покойникам, знаете ли, ничего не страшно, – собрав остатки сил, заявил я.

– Говоришь вызывающе, рассуждаешь неверно, – Колдун прищурил и без того мелкие черные глазки. – Не сегодня ты умер, юноша! Ты умер в тот час, что родился, мертвым ходил

среди нас. Родители обманом удержали тебя на этой земле, зацепили облако, нарушив все мыслимые и немыслимые законы. За что и поплатились – недолго прожила твоя мать на этом свете!

– Мама умерла во время эпидемии горелой чумы. Тогда многие погибли, – чувствуя, что сердце бьется громко, как львиные ходики, проговорил я. – Мое облако тут вообще ни при чем!

– Ты в этом уверен, наивный отрок? – сладко молвил Колдун, поправляя берет – громадный, как мельничный жернов. – А если духи наслали в город чумное проклятие, потому что здесь обитает мертвяк? Поразмышляй-ка об этом на досуге!

– Какие еще духи? Это ерунда и неправда, – через силу проговорил я. Никогда мне не приходилось спорить с Колдуном, и теперь я понял, почему и взрослые этого избегали. Губы налились свинцовой тяжестью, на них осела противная металлическая пыль. Запершило в горле, а грудь сдавило так, будто кто-то сжал ее чугунными щипцами. Выговаривать слова было все труднее, но я откашлялся и выдавил, преодолевая цепкую боль. – Во-первых, я не мертвяк, а обычный человек. А во-вторых, чуму принесли не духи, а смоляные шакалы. Это все знают. Учитель рассказывал, что такое бывало и в прежние годы. Не зря же и сейчас по границам города стоят воины с факелами. Они не допустят нового нашествия.

– Учитель неглупый человек, но он любит рассуждать о том, чего не знает, – зевнул Колдун, и в его голосе появились снисходительные нотки. – Смоляные шакалы издали чуют запах бродячего мертвеца, ведь они сами – те еще упыри. Вот и лезут в город, принося смерть, страдания и недуги. Я-то давно понял, что во всем виновен этот малец! – Он ткнул в меня заскорузлым пальцем с черным перстнем. – Но люди чрезмерно добры, слащаво милосердны... Они предпочитают закрывать глаза на очевидные факты, чтобы считать себя хорошими, милыми, славными. Ведь так легче жить! Однако теперь, когда к тебе наконец-то не прилетело облако, всем стало ясно, что именно ты – мутный, грязный источник бед!

– Ну, если я, по-вашему, такой уж грязный источник, что же вы мне предлагаете делать? – с усилием сглотнув невидимую железную пыль, глухо поинтересовался я. – Может быть, я должен утопиться в Утином пруду или прыгнуть с Белой скалы, чтобы уж наверняка?

– Заметь, ты сам это решил! Да, сделай это во имя спасения города. Сделай! Избавь людей от несчастий, принесенных бродячим трупом!

– Ну, конечно. Не дождетесь! – шевельнул я губами.

– Разумеется, чтобы явиться к Белой скале, нужна сила духа. А откуда она у тебя, отрок? У тебя ведь и духа-то никакого нет... – Колдун склонился ко мне с показной заботой: – Но я тебе могу помочь. Хочешь, превращу в тварь неразумную? В зайчика, скажем, а? Хочешь быть зайчиком? Зверек милый, добрый, пушистый... Правда, для хищника – лакомая добыча. Зато ты станешь для кого-то пропитанием и погибнешь с пользой.

– Сказано – не дождетесь, – едва слышно повторил я, чувствуя, как внутри меня натягивается и наполняется богатым звоном прочная, как сталь, струна. Она всегда выручала меня, когда хотелось заплакать. Невидимая струна выпрямлялась – и я выпрямлялся вместе с ней. – Между прочим, отец говорил, что вы и превращать-то не умеете. Или, может, умели, да разучились уже.

– Ради такого дела и тайные книги перечитать не грех, – осклабился Колдун. – Повторить, так сказать, пройденное... Но стоит ли тратить на тебя дорогой эликсир или, пуще того, бесценное время? Нет, бродячий мертвец этого не достоин. Ты сам должен покинуть город до рассвета. Иначе твой дом будет сожжен, а ты сброшен с белой скалы. И отец твой заодно.

– Не имеете права. Я не преступник, не убийца. Да и вообще... ни с кем так нельзя, если народный сбор не решит. Это Учитель говорит!

– Ох уж этот Учитель! – горестно покачал кроваво-красным беретом Колдун. – Вечно он вбивает в юные головы всякую чепуху. Какие преступники, какие убийцы? Ты правда думаешь, что горожане не захотят избавиться от того, кто несет им смерть и страдания? С виду они добренькие, но все хотят жить без проблем, а ты – ключ от их страха. Каждый боится, что

на порог его дома ступит мертвец, а с ним и горелая чума. Так что втайне все проголосуют против тебя, ты уж поверь. Жалеть не станут – зачем беспокоиться о том, кто и без того уже покойник? Вот за отца твоего кое-кто, может, и вступится ради былых заслуг – тот же Учитель, наверное. Но прочие не поддержат – нет, не поддержат! Каждый дрожит за свою шкуру. Да это и правильно. Это мудро.

– Не каждый! – упрямо возразил я, вспомнив Пряника, но Колдун не слушал:

– Я – первый советник градоначальника! Я обязан думать о благополучии горожан. Поэтому срок тебе – до рассвета!

– Я не собираюсь бросаться со скалы! У меня с головой все в порядке!

– Тогда иди в леса, в болота! Туда, откуда не возвращаются. Там тебе место! – Колдун надвинул на лоб берет и, прижав к вискам кривые костлявые пальцы, поспешил прочь – и балахон его развеялся на ветру, как крылья громадной птицы.

Не помню, как я добрался до дома: бежал сломя голову или, наоборот, брел, пошатываясь, точно старик. Но, когда рывком отворил дверь и вдохнул любимый аромат мяты, душицы и зверобоя (отец всегда развешивал по стенам пучки целебных трав), со мной что-то произошло. Невидимая струна, что не давала раскиснуть, когда я говорил с Колдуном, на мгновение натянулась еще сильнее – и, горестно всхлипнув, безжизненно обвисла. Черный камень, обрушившийся на сердце, рос, рос, точно живой, он уже превратился в неподъемный булыжник и неодолимо прижимал меня к полу. У мерзкого камня появилась еще одна грань – острое, как лезвие, чувство вины. Колдуну (умный он, что уж говорить!) удалось-таки убедить меня, что это я десять лет назад притянул в город смоляных шакалов – разносчиков горелой чумы. Это я погубил маму и еще две сотни жителей. И как с этим жить?

Тяжело опустившись на порог, я обхватил руками колени, спрятал в них мокрое лицо.

Нет, я не хотел плакать – это было недостойно сына воина, но мне не удавалось справиться с накипающими слезами. Горестные мысли, дикая тоска по Крылатому Льву, обжигающее чувство несправедливости («Почему я? Почему именно со мной?!») – все сплелось в большую серую паутину. Еще вчера я был обычным парнем – без заметных талантов, без особых проблем. А сегодня стал злейшим врагом людей, которые были дружелюбны и приветливы. Мир отвернулся от меня. Может быть, я заслужил это?

– Пришел? Вот и хорошо, – из кухни донесся глуховатый голос отца, и я услышал в нем облегчение. – Нечего впустую болтаться, хлопот хватает. Я собирался было дрова пилить, да ладно, они подождут. Набери-ка воды да согрей ее – полы мыть будем. Дома, сын, всегда должно быть чисто. В доме порядок – и в сердце тоже.

Мне показалось, что отец, переживая за меня, сошел с ума. Он решил затеять уборку?! Вот сейчас, в этот самый день, когда нас хотят растерзать в клочки, а дом превратить в пепелище, мы не спеша достанем из погреба медное ведро, вспеним коричневое мыло и засучим рукава?! Может, еще и песенку будем насвистывать? Или отец думает, что помирать надо в чистоте, а то что люди подумают?

Я, кстати, так и крикнул ему, вытерев глаза ладонью.

– Помирать? – в голосе отца мелькнуло удивление, и он шагнул в сени. – А чего так? Я пока не спешу. А ты чего на полу сидишь-то? Тут дует изо всех щелей, а ты сидишь.

– Сижу или стою – какая разница?! – выпалил я. – И Колдун, и Грюзон со своей шайкой – все хотят нас убить, понимаешь? И если убьют... Ну и ладно! Облака у меня все равно уже нет, так что чего жить, если...

Договорить (а точнее, довить) философскую мысль мне не удалось – я оказался в воздухе и повис, как куль с рыбой. Отец только с виду был невзрачным стареющим дядькой – в нужные моменты он вновь превращался в крепкого жилистого Воина Вадима, которому ничего не стоило вскинуть на плечо увесистый мешок с железками... или меня при случае. Хорошо, что я успел наклонить голову, а то еще приложился бы затылком к свежевыкрашенной балке.

– Ты что делаешь?! – охнул я и полетел на топчан. Приземлился удачно – не ударился. Вскочил в ярости: – Что, значит, и ты кидаешься на меня? И ты? Я думал, что хоть дома меня поймут! Что хотя бы здесь выслушают! Ведь меня все ненавидят! Значит, ты тоже враг?!

Но отец, который накануне казался унылым и потерянным, раздавленным тревогой, напоминал сейчас могучего встрепанного медведя. Он будто стал выше и раздался в плечах – а всего-навсего перестал печально сутулиться. И глаза, еще утром усталые и потухшие, искрились обжигающим огнем. Кинув на меня неистовый взгляд, отец взревел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.